

**ШЕВЧЕНКО
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА**

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии,
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники.

Томск. Россия.

E-mail: a-risa@mail.ru

**СМИРНОВ
СЕРГЕЙ
АЛЕВТИНОВИЧ**

Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт философии и права СО РАН

Новосибирск. Россия

E-mail: smiroff1955@yandex.ru

ИСПЫТАНИЕ НА ВСХОЖЕСТЬ¹

Разговор

DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-234-279

...на языке человека, который убыл.

И. Бродский

ВВЕДЕНИЕ

Шевченко Л. В.: *Идея* данного автобиографического интервью в целом возникла из интереса к жанру философской автобиографии, осмысляемому в работах С. А. Смирнова, С. С. Аванесова². Основной фокус был сосредоточен на этом жанре как культурной форме, дающей возможность проявить феномен авторства своей жизни, сферу свободы. Кто, если не философ, может быть более ответственен за открытость своих мотивов, становящихся движителями живого, органичного соединения мысли, творчества и поступка? Кто, как не он, может «жить без самозванства... услышать будущего зов»?

Но у события разговора есть и своя метрика. *Потребность* в таком автобиографическом интервью у меня возникла именно в тот момент, когда произошло осознание утраты, утраты опоры – после кончины О. И. Генисаретского.

¹ Разговор состоялся 1 ноября 2022 г.

² Аванесов С. С., Смирнов С. А., Спешилова Е. И. Человек у зеркала. Антропология автобиографии. СПб.: Алетейя, 2021.

Хочу заострить внимание читателя на том, что это разговор межпоколенческий и основной мотив доверившегося вопрошающего – страх сиротства, самозванства и неукоренённости. Работа над расшифровкой для меня стала работой исцеления. Сюжет жизни человека (философа) – мистерия неслиянности и нераздельности автора и героя, позволяет пройти через прошлое-настоящее. Герой берёт тебя с собой, проводя во времена, автор дарует язык самого восприятия – понятия, метафоры, в которых разворачиваются ключевые моменты отношения и понимания. Ведь подлинного автора от графомана отличает, в том числе, знание прошлого, истинное наследие. Наследие тематизируется в этом разговоре, что позволяет выявить саму грамматику наследования.

И ещё очень важная линия, которая стала более очевидной – это тема благодарности. Благодарности как основы памяти вообще. Герой открывает, демонстрирует связь между способностью на поступок и благодарностью, что, возможно, и есть ключевое условие подлинности.

РАЗГОВОР

Смирнов С. А.: Раз, два, пошла запись. Сегодня 1 ноября. Лариса Шевченко испытывает Сергея Смирнова на всхожесть. Поехали.

Шевченко Л. В.: Давайте. Смотрите, Сергей Алевтинович, – точка отсчёта. Как Вы можете её вспомнить? Как она вообще в Вашем сознании конструируется? Когда человек в натуральном мире живёт, такой обыденный человек, а где та точка отсчёта, когда он выпадает из него?

Смирнов С. А.: Точка чего или кого?

Шевченко Л. В.: Жизни философа или мыслителя.

Смирнов С. А.: Меня как философа?

Шевченко Л. В.: Да, не материального уже, не обыденного, не бытового.

Смирнов С. А.: Как бы я обозначил такую точку отсчёта меня как философа? Знаешь, я иногда думал об этом... Формально это, конечно, началось со второго курса, когда я учился в педагогическом³. Когда нам стал читать философию Тыщенко⁴ – мой первый учитель в философии. Я ему благодарен. Благодаря ему я открыл для себя и Бахтина, и Выготского, и многих других, Достоевского того же. Но это формально. Просто по своей активности я туда пошёл, на философский кружок, который он вёл, и там остался. Это шло параллельно учёбе в пединституте. Но, полагаю, что это было больше связано, может быть, с конъюнктурными делами, с личной гордыней. Я всегда тяготел к интеллектуализму, к умничанью, всегда нравилось что-то выписывать, размышлять.

Я помню, когда я на первом курсе впервые стал писать. Я дружил с одной девушкой, Маринка Соболева (в девичестве Морозова), она мне дала почитать Романа Роллана, роман «Очарованная душа». Не знаю, почему, но она любила его. Я стал читать, и я почувствовал потом просто физическую потребность в том, чтобы открыть чистый лист и начать что-то писать по поводу прочитанного. Просто физически. Я чувствовал, как на меня насаждает какая-то сила,

³ НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

⁴ Тыщенко Владимир Петрович (1930 – 2020) – философ и педагог, проработавший в НГПУ более 50 лет. Долгое время заведовал кафедрой философии НГПУ, является автором многих научных статей и монографий, напр., «Философия культуры диалога», «Юнг в школе: соционика в межвозрастной педагогике» (в соавторстве с В. В. Гуленко).

какая-то иная органика, никак не связанная ни с работой, ни с учёбой, вот эта жуткая потребность открыть чистый лист и начать писать. Не важно качество содержания: там может быть бред и фигня всякая, но потребность была. А там содержание-то прочитанного позволяло, там тексты кусками целыми были рефлексивные. Не важно даже, это не связано с материалом книги, а вот с тем, что я через это как-то начал пытаться соображать и, в этом смысле, во мне что-то начало рождаться, другое существо.

Это я помню, это буквально 1-й курс. И потом пришёл Тыщенко, на втором курсе, и я без этого уже не мог, как без воздуха просто. На истфаке был голод интеллектуальный, категорически просто, хотя хорошие преподаватели были (в принципе, образование неплохое тогда было, в 70-е годы, на истфаке), но я чувствовал категорический голод по интеллектуальной книге, интеллектуальным разговорам, интеллектуальным беседам, размышлениям. Мне тогда мать приносила с работы такие толстые тетради, бухгалтерские книги. Я их все списывал. У меня несколько таких талмудов хранилось, где я конспектировал ну просто всё. Я не мог не конспектировать, я всё подряд записывал, всё прочитанное. И это у меня складировалось, складировалось. Но, кстати, это помогало: потом я возвращался к записям. Я же все конспектировал, все конспекты у меня сохранились, потому что книжек не было, надо было искать. Я помню, как я конспектировал, с подачи опять же Тыщенко, Эйзенштейна, шесть томов, Андрея Белого, его «Ритм как диалектика». Обалденная работа, очень редкая, в 20-е годы изданная⁵! И они обсуждали, Тыщенко В. П. с Шатиным Ю. В.⁶, филологом, проблему ритма в поэзии. А всё почему? Потому что я со 2-го курса в кружок же стал ходить, в философский, я узнал про это на втором курсе. Кружок был общегородской. Вот там я открыл для себя и Бахтина, и Выготского, и всех-всех-всех. И в том числе проблему ритма они обсуждали, и у меня началась вторая линия образования, философского. Но, повторяю, судя по всему, к тому моменту я был психологически готов к этому, в том смысле, что я нуждался в интеллектуальном воздухе, а уж какого качества эти мои потуги были – это отдельная песня.

Шевченко Л. В.: Слушайте, вот он, то есть, Вы, такой парень молодой, вдруг почувствовал интеллектуальный голод, но откуда этот голод, эта нужда?

Смирнов С. А.: Абсолютно никаких не было поводов и намёков. Не было никакой семьи учёных, никакой семьи (тем более, Боже, упаси!) философов. Отец – инженер на авиастроительном заводе. Вот такой мужик! Помер рано от рака (лейкемия) в 1967 году. Мать химик-технолог. Оба приехали сюда из Казани. Они сами-то Ивановские: Вичуга, Кинешма⁷; потом они поехали учиться в Казань с разных мест, и там встретились. Мать – химик, отец – инженер-конструктор, авиастроитель. На танцах встретились, отец классно танцевал, кстати. Это отразилось и на мне: я же танцующий философ. Ха-ха-ха (*иронично*). С первого класса в ансамбле бального танца. Танец мне помогал во многом. Но это отдельная история. Так вот, они встретились, и потом, как они расска-

⁵ Белый Андрей Ритм как диалектика и «Медный всадник». М.: Федерация, 1929.

⁶ Шатин Юрий Васильевич (р. 1945) – профессор кафедры русской литературы и теории литературы НГПУ.

⁷ Вичуга, Кинешма – города Ивановской области.

зывали, всей группой со своего выпуска поехали сюда, в Новосибирск, на Чкаловский завод, самолеты строить. Поколение такое – романтика! 1953 год. И тут я родился в 1955, а Санька, старший брат, родился ещё там, и они уже с ним приехали, а я родился здесь. Рабочий район, Дзержинский, улица Жданова – там мы и жили. Вот, абсолютно обычная семья, техническая интеллигенция в первом поколении. А родители-то у них совсем простые. У отца совсем простые, разнорабочие, а у матери вообще-то отец – директор ткацкой фабрики в Вичуге. Всю войну шил шинели для солдатиков. А мать её, бабка моя, рано погибла на заводе – там ткачихой тоже работала. То есть простая семья, многодетная, их 5 детей было у матери, у моей бабушки.

И тут вдруг: кто такой? Обычная школа в Дзержинском районе на Жданова. Кстати, хулиганы местные – мои дружки. Я вырос во дворе. Отец-то помер в 67-м, рано, я был в 5 классе, мы с Санькой были предоставлены сами себе, росли во дворе, хотя я любил книжки читать всегда, но это отдельно. Школа – отдельно, родители – отдельно, а книжки – отдельно. Отдельное, своё занятие, личное, сугубо личное, почти интимное. Но при этом никаких факторов, повлиявших на то, чтобы меня приобщали к книге, водили куда-то за руку, как бывает у родителей, которые хотят пристроить сынков то ли туда, то ли туда. Ну разве что в музыкальную школу мать притащила – я целый год в музыкалку ходил, одним пальцем подбирал мелодию. Санька сразу отвалил, а я ещё целый год мучился со всем этим сольфеджио. Это я бросил, но с 1 класса пошёл на танцы и 10 лет танцевал. Это чисто моя была потребность – тело просило. Это телесные дела. Вот, и это помогало мне.

А при этом что от родителей? Когда отец помер, мать одна двух пацанов выращивала. Я понимаю, не до грибов – надо было зарабатывать, да и не умела она воспитывать: напоила, накормила – ну и ладно. Одевала как-то. Тем более, что годы-то были 60-е, не самые сытные. Но тем не менее – оборонный завод, зарплата неплохая. И я не понимаю вот этого всего на самом деле! Почему вдруг в семье Смирновых появляется ... в обычном пацане потребность вот к этому, который никак внешней биографией не был подготовлен, мотивирован. Ни родственников тоже: дядьки, тётки были, так это вообще тоже мимо. Саня, брат, – он технарь, он вообще к этому никак. То есть я в этих всех корнях, в этой генетике вообще не нахожу ничего подобного. Это никак не объясняется. В этом смысле – пока для меня вопрос.

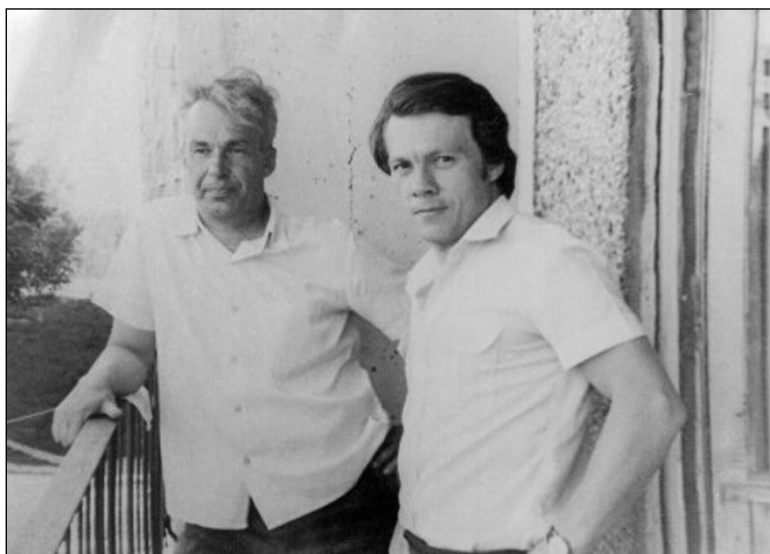
Шевченко Л. В.: Вы говорите про мотив умничанья, как вы сказали «гордыня», а Вы можете вспомнить этап, когда это перешло в другое качество? Ну одно дело – гордыня, это знакомо очень многим, когда хочется быть умным, риторичку освоить и быть выше других.

Смирнов С. А.: Это и в школе было, когда на уроке выступаешь, умничаешь, выпендриваешься. Было, да. Но вот в другое качество...? А другое – какое? Другой мотив, уже не про гордыню, не про умничанье?

Шевченко Л. В.: Да, уже не знание вот этих всех формальностей и языка с целью возвыситься.

Смирнов С. А.: Когда пошли испытания. Пошли испытания. Первое испытание... Ну если так вспомнить, получается, что у Тыщенко не было испытания. Долгое время шёл сам по себе, а Петрович только подкидывал тексты, и так ненавязчиво. Да и ему самому было тяжело: он же был нормальный

советский философ, защитил диссертацию по диалектике абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса⁸. Он ильенковец⁹, и он шёл по той линии – не московской, а питерской. Он закончил Ленинградский госуниверситет и с Михаилом Розовым¹⁰ вместе учился, и со Сталиной Розовой¹¹. Они вместе в Новосибирск тогда и приехали, и он тоже сюда приехал потом. Они его позвали в Академгородок, а он в педагогический приехал. И на том кружке я мог читать и открывать для себя имена, которые в принципе были доступны и открыты, но я просто не знал.

Учитель и ученик. 1984 год.
В. П. Тыщенко и С. А. Смирнов

Испытание пошло, когда пошёл реальный живой, пожалуй, контакт с крупняком, например, с Г. П. Щедровицким¹². Когда ты делаешь, например, доклад на большой игре, тебя слушает он сам, ГП, когда игротехники тебе подзатыльники и пинки дают. Ты весь из себя преподаватель кафедры философии. Вообще-то это уже после того, как я закончил институт, три года в деревне отработал учителем, вернулся, на кафедру устроился. Это пошёл 1984 год, когда я был молодой преподаватель и впервые увидел ГП. Впервые я сам готовил игру в 1984, но реально первые контакты пошли в 1985-м. Когда я стал ездить на игры к ГП и увидел, что есть другие ребята, которые в принципе твоего возраста, но кто-то

⁸ Тыщенко В. П. О начале восхождения от абстрактного к конкретному. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Новосибирск, 1968.

⁹ Ильенковец – последователь концепции Эвальда Васильевича Ильенкова (1924 – 1979), философа, автора работ по диалектической логике, философии личности, природе идеального, тифлосурдопедагогике, этике и эстетике.

¹⁰ Розов Михаил Александрович (1930 – 2011) – философ, специалист по эпистемологии, методологии науки, док тор философских наук, профессор.

¹¹ Розова Сталина Сергеевна (1932 – 2015) – философ, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета.

¹² Щедровицкий Георгий Петрович (1929 – 1994) – философ и методолог, общественный и культурный деятель. Создатель системо-мыследеятельностной методологии, основатель и лидер Московского методологического кружка.

даже и моложе. И тебе ставят проблемную ситуацию, с которой ты никак совершенно не можешь справиться, со всем своим опытом прочитанных книжек. Ну как это?! Тут ГП рассказывает этим неопитам, участникам игры и всяким игротехникам азы из какого-нибудь Канта и Гегеля. А я же это знаю! Ну и что, что я знаю, а вот проблемная ситуация на игре – и всё твоё хваленое знание летит. Вот здесь пошла очень серьёзная проблематизация.

Эта ситуация спровоцировала более предметное самоопределение. Ну, да, кафедра, преподаватель. Дальше-то что? Что ты-то в этом мире философском хочешь? Книжки читаешь, преподаёшь, ходишь, выпендриваешься перед девками-студентками, и ты знаешь, что ты им нравишься. Всё нормально: девки любят, облизывают. Нет проблем. Тут ещё всякие самодеятели на факультете, танцуешь на сцене, преподаватель... Алевтиныч! Меня на руках носили на филфаке, где я преподавал первые годы. Но это всё быстро улетает, как вот эта веточка.

Но мне-то было важно, чтобы меня признали за авторское высказывание интеллектуального типа, а не за эту внешнюю мишуру, где может быть много чего. Я же параллельно ещё несколько лет вёл театральную студию в институте. То есть было много чего – активностей навалом.

И вот тут ГП: для меня всё как будто открылось. И этот гад, пардон, Владимир Петрович, мне про него не говорил, когда я учился! А он, оказывается, его тоже давно знал, его работы. А тут в Новосибирск в 1984 году приезжает Г. П. Щедровицкий! В очередной раз. Я его в принципе не знал, не слышал, не читал. Удивительно, но понятно почему: публикации его были в разных сборниках – труднодоступных (только в читальных залах были, но, кстати, были, слава Богу). А уж про учеников тем более не понятно, про все это поколение. Разве что Мераба¹³ я знал, и его мы обсуждали на кружке. А ГП нет, ну, фамилия мелькала, но в принципе даже-даже. А тут он живьём здесь, и у меня что-то открылось!

Он же каждый год приезжал к своему другу Ладенко¹⁴, и благодаря ему он поэтому и приезжал. Ладенко проводил конференции каждый год, да ещё и по 2-3 штуки, издавал сборники статей, тезисы. Сюда ГП и приезжал, читал также открытые лекции. Ему организовывали их на базе либо НГУ¹⁵, либо ещё какого-нибудь места, какого-нибудь неформального, неакадемичного. В том числе он приехал и в наш пед, читал там курс лекций в 1985 году. Их и организовал Тыщенко. У меня сохранились конспекты этих лекций. Академгородок ведь ненавидел Щедровицкого, институт ненавидел Щедровицкого. Он тогда не был институтом, но местные философы-то были. На дух не переносили! Щедровицкий для них – это стихия, это девятый вал, это агрессор, я не знаю, кто,

¹³ Мамардашвили Мераб Константинович (1930 – 1990) доктор философских наук, профессор. Выработал авторскую версию феноменологического подхода и философии человека. Основные работы: Символ и сознание: (Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке) Иерусалим: Малер, 1982 (в соавт. с А. М. Пятигорским); Картезианские размышления. М.: Прогресс-Культура, 1993.; Кантианские вариации. М.: Аграф, 1997; Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004; Как я понимаю философию. 2-е изд. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Культура», 1992; Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014.

¹⁴ Ладенко Иосиф Семёнович (1933 – 1996) – доктор философских наук, профессор, академик РАО. Был одним из членов ММК, ученик и соратник Г. П. Щедровицкого.

¹⁵ НГУ – Новосибирский государственный университет

пират, в общем, что угодно, только не авторитет и вообще не философ. Но другая публика, не академическая, на него ходила как на мессию.

Его энергетику я просто ощутил на себе. Когда он входил в аудиторию, было полное ощущение какой-то волны энергии. Сидишь во втором ряду в поточной аудитории и ожидаешь: и вот он приходит, и пошла волна. Просто обалдеть. Я не понимаю, что это такое было. И ты даже этого не осознаешь. Просто плаваешь в ней. И ты все эти несколько часов, которые он говорит, пребываешь в ней, что бы он там ни говорил... А это же известно, что он там половину времени тратил на разные провокации. Он уцепится за вопрос и начинает его раскручивать, а ту тему, с которой начал, он как будто уже и забыл, на самом деле не забыл, возвращается и снова... И так можешь сидеть несколько часов, и ты сам задаёшь вопросы, получаешь затрецину. Типа: «Вы же ученик Тыщенко? На тебе по морде, и отвали». Это тоже было.

Вот в эти годы (это середина 80-х) пошло первое серьёзное, уже профессиональное, в этом смысле, философское, испытание всей вот этой моей квази-и псевдофилософской части биографии, которая сильно была проверена, прочищена. Я заново стал всё перечитывать, снова стал переосмысливать, перелистывать. И фактически к философской части стала надстраиваться вот эта методологическая часть. И она огромную роль сыграла, я потом стал чувствовать силу, когда начал первые игры проводить. И до сих пор методология – составная часть вообще моего опыта мышления.

Первую игру я провёл в Новосибирске в 1988 году. Представь себе. Молодой, что я там в смысле методологии? Ничего. В это время уже комитет по СМД методологии и ОДИ был создан¹⁶. Его создали наконец-то после нескольких приездов ГП. Им стал руководить Жегалин Владимир Александрович¹⁷ и Тыщенко. И мы там клубились, это в городе было, естественно, я в город постоянно ездил. А тут Юра Громыко¹⁸ (один из учеников ГП) зазвал Жегалина к себе: давай, переезжай, дела пошли. И туда уехали и Жегалин, и Андрей Третьяков, и Нечипоренко Александр. А тут заказ: обком комсомола заказывает нам провести игру с комсомольским активом области по поводу того, как там его реорганизовывать. Перестройка ведь была. И мне Жегалин звонит и говорит: «Серёж, возьми игру, проведи. Мы тут уезжаем». А я наглый: «Ну, давай». Я был руководитель игры, это была первая большая игра для меня. Владимир Петрович помогал, конечно, но эти-то ключевые методологи уехали, а тут я. Три дня проиграли на выезде, всё как полагается. Это же обком комсомола, номенклатура! И вот они собрали толпу. А актив комсомольский, они же все ребята зубастые, наглые, активные, и конъюнктурщики при этом. Они же, понятно, кто такие – комсомольский актив. А тут надо что-то думать с этим делом и как их перестраивать. Со всех вузов комитеты комсомола, и ещё с области. Блин! Меня тут на второй день хотели сместить: «Так, убрать Смирнова с руководства игры, поставить другого!» В общем, всё нормально, провокацию построил. А я, помня ГП, его стиль поведения... Я же как, я же телесник,

¹⁶ Комитет по СМД-методологии и ОДИ.

¹⁷ Жегалин Владимир Александрович (1947 – 2002) – методолог, педагог, ученик Г. П. Щедровицкого.

¹⁸ Громыко Юрий Вячеславович (р. 1958) – психолог, педагог, методолог. Директор Института опережающих исследований имени Шифферса, доктор психологических наук.

я когда Щедровицкого-то увидел, взял его способ... Я имею привычку со всех, кого я вижу, и которые на самом деле особенно на меня влияют, снимать с них стиль, манеру говорения, поведения, вплоть до телесных ужимок. И я вёл игру с первого дня таким образом, как ГП, то есть с язвой и со всем этим подколом. У самого за плечами содержания почти ноль... Ну, что бы я знал, что там делать с этим комсомолом? Мы на репетиции в команде это почти не обсуждали, думали: давайте сделаем три дня провокации, пусть эти ребята сами начинают проектировать. Ну, провокация получилась. А тут уже третий день – игру надо заканчивать. Ну, ладно, нормально, поиграли.

И тогда вот с этого уже реального игрового опыта я понял, что могу вести... Я ж там и в педу наследил на истфаке, там тоже игру провел, и группу экспериментальную потом вёл. И понял, что заявление пора писать, по собственному желанию... И это было. С кем дружил – поругался. В общем, всё это было. Но понимал, что всё, дальше так нельзя – ходить читать лекции, никому не нужные. Ну всё – надоело. Надо что-то делать. И вот я уже созрел для того, чтобы запускать первый большой проект. В 1986 я стал читать спецкурс по педагогической режиссуре, и в 89-м я набрал первую экспериментальную группу.

Да, здесь я бы хотел вспомнить замечательного человека, Нелли Петровну Аникееву. Она ушла из жизни в январе этого года¹⁹.

Так получилось, что в те годы я пытался сочетать методологию Щедровицкого, увлечение театром и коммунарскую методику. Я ведь, будучи студентом, был активным вожатым, каким были многие на истфаке. Работал в «Орленке» и «Артеке». И вот, уже будучи на кафедре философии, я стал как-то продумывать содержательно сцепку педагогики, театра и методологии. А тут мы познакомились и сдружились с Нелли Петровной. И решили разработать свой спецкурс «Режиссура педагогического взаимодействия». Я его видел как некий такой гибрид, некую амальгаму коммунарской методики коллективных творческих дел, с другой стороны, организацию коммуникации и создание ситуации самоопределения на орг-деятельностных играх, с третьей, как режиссуру и сценирование взаимодействия, которые были выработаны в русском психологическом театре. Я ведь был заядлым театралом. Будучи студентом и молодым преподавателем, когда бывал в Москве, обязательно ходил по театрам. Я облазил почти все московские театры. Был и на Таганке, и в Ленком, и в «Современнике», в «Вахтангова». А до этого, до кафедры, работая в школе, в деревне, я пытался свои уроки просто сценировать. Я их описывал в категориях режиссуры. Это методисты на истфаке говорили про методику преподавания. А я мыслил режиссурой и сценированием взаимодействия. Мне не сам по себе предмет надо было преподавать, мне было важно, чтобы у ученика глаза горели, чтобы он на уроке забывал обо всем на свете, чтобы он, ученик, вошел на урок одним, а вышел другим. И я тогда понял, на себе испытал, что 45 минут – это огромный кусок времени, это просто кусок жизни. Чувство времени, кстати, у учителя хорошо развито. Он чувствует без часов, сколько и на что он тратит времени на уроке, когда надо развернуть апогей урока, а когда надо его завершать. Я проработал и Станиславского, и Мейерхольда, и Марию Кнебель.

¹⁹ Аникеева Нелли Петровна (1937 – 2023), отечественный педагог, психолог, деятель коммунарского движения, автор работ по игровой педагогике и методике воспитательной работы, кандидат педагогических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет.

А уже когда работал на кафедре, в те годы вышел двухтомник Михаила Чехова, я его просто проштудировал. В итоге составил некий тезаурус упражнений, разных психотехник актера, которые годились и для учителя.

Так вот, мы с Нелли Петровной пытались на группе студентов переписать педагогику взаимодействия, используя категории методологии и театральной педагогики, пытаясь преодолеть кондовый язык педагогической дидактики. Мы вслед за поисками Станиславского понимали этот спецкурс как основы педагогического мастерства. И надо сказать, что у нас это получилось. Да и было все это внове, нам самим было интересно. А Нелли Петровна ведь замечательный педагог-коммуникатор. Тонкий, деликатный собеседник. Она терпеливо относилась к моим методологическим штудиям и даже позволила в учебном пособии по педагогике рисовать щедровитянские морковки. Позже все наши опыты на спецкурсе воплотились в совместном учебном пособии²⁰. Кстати, в качестве приложения там был опубликован комплекс игр и упражнений по психотехнике для студентов. Это игры и упражнения на внимание, на атмосферу, на психологический жест (по М. Чехову), на общение, на режиссуру. Мне позже коллеги говорили, что по этому пособию учились уже потом несколько поколений студентов истфака. Нетленка, блин!

Также мы были одинаково увлечены проблемами педагогики и психологии детской игры. У меня ведь есть целая серия работ по философии игры. По этой тематике я, кстати, защищал кандидатскую диссертацию (в форме научного доклада) в 1994 году²¹. А Нелли Петровна издавала в качестве редактора несколько сборников по педагогике и психологии игры.

Кстати, Нелли Петровна ведь сочетала в себе несочетаемое. Она в молодости работала в Москве на базе той самой знаменитой экспериментальной школы № 91 у В. В. Давыдова. И преподавала там математику в началке. И была всю жизнь ещё пионервожатой. Вожатый и математик! А дальше также преподавала физику – это сильно! Она методика развивающего обучения знала изнутри. Я это потом узнал, много позже. Когда мы вели совместный спецкурс, это как-то не ощущалось. Или я был слишком увлечен своими поисками?

Спасибо Нелли Петровне. Низкий ей поклон! Работа с ней на спецкурсе была фактически этакой пропедевтикой, подготовительным этапом перед организацией экспериментальной группы. Дальше я пошёл уже своей дорогой. Надо сказать, рискованной и просто наглой. Это я потом понял, что к работе с экспериментальной группой я был просто не готов²². Ни психологически, ни методологически. Не был оснащен. Был просто наглый и амбициозный. Но время бури и натиска звало. И мы с шашкой наголо помчались в атаку. Но, надо сказать, что с деятелями коммунарами мне пришлось разойтись. Я чувствовал, что мне тесно в методике воспитательной работы, в практике коммунарского движения, во всех этих бесконечных ктд-шках (коллективные творческие дела) в духе Игоря Петровича Иванова, тесно также и в театральной

²⁰ Анисеева Н. П., Винникова Г. В., Смирнов С. А. Режиссура педагогического взаимодействия. Учебное пособие. Новосибирск, НГПИ, 1991.

²¹ Смирнов С. А. Роль игры в развитии образования. Философский анализ. Автореферат в виде научного доклада на соискание уч. степени к. филос. н. НГУ. 1994.

²² Уроки работы в экспериментальной группе описаны также здесь: Смирнов С. А. Мастерская педагога-гуманитария. Философские и педагогические очерки. Новосибирск, Офсет, 1995.

педагогике. Тесно и в самой методологии. Во мне рождался философ-антрополог, вообще философ, существо странное и вредное, не находившее себя нигде. Но во мне больше работала энергия отрицания, нежели энергия утверждения. Я знал, чувствовал, точнее, что это не то, это не то. А что то́ – не знал и не мог знать. Плюс ко всему сначала я провел игру на истфаке, было время перестройки, потом я решился на создание экспериментальной группы, что вынудило руководство, включая и ректора, и ученый совет, принять ряд серьезных институциональных решений, включая и составление индивидуальной программы обучения группы, а это порождало конфликтные ситуации. Многие на истфаке меня просто перестали понимать. Надо отметить, что Нелли Петровна как раз с пониманием отнеслась к моим поискам. Я потом ее пригласил на группу вести курс по психологии. Я добился того, что на экспериментальную группу я лично набираю преподавателей, подбираю их. И тогда, когда это нужно группе по ее траектории, а не тогда, когда предмет стоит в учебном плане.

Добавлю к этому ещё эпизод, он показывает ещё один момент испытания и выбора. Этот выбор просто прошёл по мне, по моей траектории. Когда я ещё учился, в компании коммунаров и вожатых на истфаке работал один человек, яркая личность, талантливый педагог, Олег Анатольевич Казанский. Ученик Сталя Шмакова²³, его соратник, соратник Олега Газмана²⁴, Нелли Петровны Аникеевой. Он отличался от всех коммунаров тем, что он не просто вёл методичку воспитательной работы, не просто играл и проводил с нами коммунарские дела. Он был страстным любителем театра, поэзии и кино. Он организовал на истфаке клуб «Пятница». Хорошее название. Люди там встречаются и находят друг друга. Также вёл театральную студию «Контуры». Представь. Собираются вечерами по пятницам в аудитории те же студенты, которые здесь же утром и днём сидели на лекциях. Ничего же не было. Никаких тебе общественных клубных пространств. Это сейчас можно повыбирать. Тогда были те же аудитории. Мы сдвигали столы. Ставили их на попá, стол на стол. Образовывали из них полукруг. Зажигали свечи. И читали стихи. Всем верховодил Казанский. У него в клубе образовался такой студенческий актив. И я в него тоже входил. Мы бегали за ним по театрам, по кино. Причем мы же это всё, что смотрели, обсуждали. У него вся театральная тусовка города была в друзьях и знакомых. Ну, и понятно, без выпивки не обходилось. Богема! Он договаривался. Мы приходили в ТюЗ, например, смотрели там спектакль, например, «Чудо в 10а». Поставлен по пьесе, по которой потом был снят известный тогда фильм «Ключ без права передачи». Смотрели и потом вместе с актерами обсуждали. Или собирались в кинотеатре, смотрели фильм, например, «Чужие письма». И обсуждали, например, почему нельзя читать чужие письма. Вот и вся педагогика!

²³ Шмаков Сталь Анатольевич (1931 – 2000) – известный отечественный педагог, доктор педагогических наук, профессор Липецкого государственного педагогического института. Один из авторов проектов Всесоюзного лагеря «Орленок» и пионерского лагеря «Прометей». Закончил Новосибирский государственный педагогический институт. С 1963 года работал в Липецке.

²⁴ Газман Олег Семенович (1936 – 1996) – отечественный педагог-новатор, член-корреспондент РАО. Один из авторов советской системы организации летнего отдыха детей. Один из теоретиков коммунарского движения. Закончил Новосибирский государственный педагогический институт. Один из создателей системы воспитательной работы в лагере «Орленок».

Вот у него была такая педагогика. Педагогика творчества, искусства, педагогика через искусство. Педагогика, основанная на поэтических и театральных формах и практиках. Нам это всё страшно нравилось, это было гораздо интереснее, чем слушать скучнейшие лекции по дидактике и теории педагогики. Самая скучная кафедра в педагогическом институте, представь, была кафедра педагогики. Такие дела.

В общем, я туда сильно погрузился. Но это происходило параллельно с философским кружком Тыщенко. Например, сегодня я бегу к нему, а завтра бегу к Казанскому. Здесь, на кружке, обсуждаем Достоевского с Бахтиным, а там обсуждаем спектакль или фильм, и читаем стихи. В общем, собирал своё образование с разных мест. Я тогда сильно увлекался Вознесенским. Бродского я ещё просто не знал. Ну, понятно, Таганка шумела, «Антимиры», и всё такое. Эта группа поэтов собирала стадионы. Это сильно увлекало. Сейчас я понимаю, что это увлечение было сугубо возрастным. Я повзрослел и Вознесенский ушёл.

Замечательная компания. Сидят: Н. П. Аникеева, С. А. Шмаков, М. С. Коган.

Стоят: А. Фролов, О. А. Казанский, Л. В. Павловская, О. С. Газман.

Источник: Архив М. С. Коган. Липецк 1981.

В результате фактически я на самом себе построил ситуацию внутренней конкуренции. Во мне боролись мои интересы и увлечения, одинаково сильные, во мне присутствовали одинаково влиятельные (сугубо по эмоциям, не интеллектуально) два живых образца: Тыщенко, который, кстати, тоже ведь сильно погружал в искусство, в литературу, но через философию, и Казанский, погружавший нас в реальность поэтических и театральных действий. Ну, прямо ситуация Буриданова осла. Два стимула действуют на тебя, а выбрать не могу. Хочется сразу и того, и другого.

Если распространять этот пример на всю жизнь, вспоминая название нашего разговора, то главным испытанием для меня было испытание свободой. Я мог и хотел многого. Но энергию этого многого, большей частью выступающую энергией увлечения и заблуждения, необходимо было ещё перевести в энергию преобразования и развития. Не все это выдерживали. Свобода буйных 90-х дорого досталась многим.

Я в этом плане тоже был одурманен. Буквально. Например, я просто тащился от запаха сцены. Понимаешь? Это особый запах. Потом, когда стал работать на кафедре, параллельно вёл сам театральную студию. Я не мог жить без театра. Он был для меня каким-то наркотиком. Мы прибегали в этот ТЮЗ и не просто ведь сидели в зале. Мы бегали в гримерки к артистам, дружили с ними. Этот запах сцены помню до сих пор. Но также я не мог и без философии, без интеллектуальных словопрений. Не мог без книг. При этом я хотел, чтобы книги были непременно у меня. Хотя, конечно, из библиотек я тоже не вылезал. Были времена, когда в ГПНТБ я просто жил. Я знал все книжные магазины не только Новосибирска, но и Москвы. Оттого, кстати, у меня собрана вполне неплохая личная библиотека. Протянул руку – и книга в руках.

Так вот, однажды этот внутренний конфликт во мне, конечно, увидел и Казанский. Был такой эпизод. На третьем курсе где-то. Тыщенко вёл спецкурс у филологов (он ушёл с истфака потом, после нашего курса, и я стал бегать к нему туда на филфак), а параллельно у нас вёл свой спецкурс Казанский, кажется, по эстетике творчества. Надо сказать, он был интереснее на своих клубах. Для меня, во всяком случае. Как лектор он был мне менее интересен. Он был практик, коммуникатор, педагог, воздействующий своей личностью. Не теоретик, не аналитик. Вот однажды я убежал на спецкурс к Тыщенко, а по расписанию стояла лекция Казанского. Прихожу со спецкурса, а тут навстречу он: «Сережа, я понимаю твою любовь к Тыщенко, но по расписанию стоит мой спецкурс. Как-то надо бы ходить». Вижу – ревнует. В общем, я, конечно же, согласился. Да, буду ходить. Ну, ходил. Но было скучновато. Бахтина он не знал. А свои лекции по эстетике творчества он строил на материале кондовых советских философов.

Но в итоге в 1977 году он был вынужден уехать в Липецк к Сталю Шмакову. Там он работал долгое время. И тоже основал там свои клубы по кино и театру. К сожалению, рано ушёл из жизни, уже в 1996 году. То ли инфаркт, то ли онкология.

В общем, заметь, это поучительно, и то, и другое – альтернативные клубные форматы, которые пытались создавать преподаватели, чтобы как-то пустить свежий воздух в общение со студентами, чтобы разбавить эту идеологическую прокладку, а она всё же была сильна, несмотря на то, что историческое и педагогическое образование на истфаке мы получали тогда неплохое. Нас оснащали хорошим инструментарием. Это важно. Все эти современные так называемые менеджеры по коммуникации и организации в подметки не годятся нашим методистам, которые нас учили предметно, как построить урок, как организовать взаимодействие в школе, на уроке, как организовать и провести любое мероприятие. Мы становились по-настоящему хорошими орговиками.

Но, как я уже сказал, коммунарская работа в итоге оказалась излишне идеологизированной, а содержание было выхолощено. Коммунары, орлята и артековцы, порождали пустые формочки, занимались ритуалами. А содержания и смысла не было. Всё это уже чувствовалось в 70-е годы.

Шевченко Л. В.: Сергей Алевтинович, вернёмся ещё раз к Щедровицкому. Когда Вы его описываете, Вы говорите метафорами энергетическими. А если по сути? Вы говорите: «Я более точно определился». В чём был основной момент более точного самоопределения? Менять ситуацию, менять этот мир? Или что? Я понять не могу. Не власть?

Смирнов С. А.: Ну, если более точно... Это всё-таки антропология, проблема человека.

Шевченко Л. В.: От Щедровицкого?!

Смирнов С. А.: Да! Заметь! Так он с человеком-то и работал! Он в этом, который в штанах и пиджаке перед ним сидит, он в нём человека рождает. Он выступал тем самым майевтом. Но просто жёстко действовал. Я это увидел! Как он, бия наотмашь этого никчёмного, ничего не понимающего цыплёнка, делал так, чтобы с него вся шелуха сыпалась. Вот эта шляпа с него – хрясь! И чтобы костыли и помочи от него отлетали. Просто он вырабатывал свою версию, вообще-то говоря, самой настоящей антропологии. А его методология – это метод поиска человека в этом двуногом и бескрылом существе. И для меня это ключевое. Не зря же и схемы со всеми человечками, морковками, – это всё поиск *места человека*, поиск обретения человека, рождения его в этом вот индивиду. И все последующие публикации ГП (чёрные «кирпичи» уже потом появились, уже в 90-х годах²⁵) – это же всё про это. И когда ты начинаешь открывать те его тексты, которых тогда не знал, когда он все эти откровения начал говорить, про историю ММК, он там прямо говорит: «Нас интересовала проблема человека, его место». Есть в одной лекции место конкретное. И мне стало всё ясно: «Ох ты! Вот оно как!».

Представь. В Калининграде идет игра. 1986 год. Тема примерно такая (надо посмотреть в рукописях): «Система повышения квалификации в высшем образовании». Казалось бы, такая прикладная штука. Вот тема большой игры. Сидит в зале 200 человек мужиков и смотрят, что там ГП творит. Половина в осадок выпадает, половина ничего не понимает, кто-то вообще уезжает, кто-то матерится, кто-то просто в транс впадает, а кто-то начинает орать. И вот пошла вот эта работа с человеком, усушка, утруска, что называется. А тема, господи, подумай, повышение квалификации. Но через это происходило какое-то такое проникновение. И когда этому присутствующему, этому двуногому, предлагалось определиться по жизни, просто по жизни, то это про человека. А дальше вопросы, дальше ты начинаешь искать, чего и как. Опять же, Петрович про антропологию мне никогда ничего не подсовывал, потому что он другого типа философ. В его поисках человека не было. Это я потом понял. Там у него все про диалектику, гегельянщина. Тезис, антитезис... Сам стал искать. Пошли книжки. Начало 90-х. Пошли публикации, пошла серия русских философов, пошли публикации западных авторов. И вот я в 95-96 гг. сам первую книжку написал по философской антропологии²⁶. И я горжусь, что, когда однажды впервые я увидел Генисаретского²⁷, с ним мы встретились, он и гово-

²⁵ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995; Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Полит., 1997.

²⁶ Смирнов С. А. Опыты по философской антропологии. Новосибирск, Офсет, 1995.

²⁷ Генисаретский Олег Игоревич (1942 – 2022) – отечественный философ, общественный деятель, доктор искусствоведения, теоретик дизайна. Одной частью истории своей личности входил в ММК.

рил: «Хорошая книжка – конструктивная. Молодец». И тогда уже пошла реальная содержательная работа – уже в 90-е гг.

А до этого ломка была серьёзная. Я помню, как на игре у Громыко меня ломали. Просто ломали, ломали, жуткое дело. Игра была под Москвой, руководитель Юра Громыко, у него своя банда игротехников, из них половина девок молодых. А я весь из себя, уже экспериментальную группу веду (уже конец 80-х). Поехал, и с собою взял ещё трёх девчонок. Я вёл свою группу на истфаке, а также преподавал в другой экспериментальной группе, у Андрея Большунова, психолога. Ну, думал: классно! Тема «Экспериментальные площадки в образовании». Тогда была модная тема. А. Адамский был активен, про экспериментальные образовательные площадки заговорили. То есть про полигоны, на которых можно экспериментировать. Хорошая компания была. Там был Тубельский Александр Наумович²⁸. Я там с ним и познакомился, в Школу самоопределения к нему стал ездить периодически. А Юра – хороший, нормальный руководитель. Так, корректно всё, затрещины не раздавал, но конкретно мог построить проблематизацию. И вот на группе, где я был, попалась девка-игротехник, ну, такая, блин, упёртая. Я ей и так аргументы, она – «нет», я ей так аргументы, она – «нет». Я с ней мучился дня три, а игра шла неделю. Она меня просто в транс ввела: я не понимал, что ей надо было. На самом деле, у неё было задание игротехническое – проблематизировать мужика, чтобы как следует, чтобы его просто корёжило. Мы, конечно, с ней не договорились, да и дней не хватило, но я понимал правила игры: если ты дёргаешься, то ты всё это обращай на себя. Я ей аргумент – она мне опять оплеуху. Девчонки, которые со мной, вообще в транс: вечером сидят – плачут. «Мы, – говорят, – не понимаем, что происходит». На следующий день – опять. Ну, я так понял, это было игротехническое задание для того, чтобы дойти до предела, чтобы полностью меня разоружить и чтобы я вышел из игры чистеньким, разоружённым напрочь (*смеётся*).

Но было полезно в том смысле, что я иллюзии привычные убирал и начал работать с какими-то новыми, не то чтобы взглядами, а со способом работы, типом работы, методом: вплоть до языка, вплоть до слов, вплоть до привычек. И это нарабатывалось годами. Потом это повлияло на то, что у меня постепенно отстраивался вот этот методологический способ работы, способ действия, и всегда на любой конференции, на любом семинаре это помогает мне видеть ситуацию, отделять материал от метода, выделять методологическую основу действия того или иного собеседника, который в этом смысле не вооружен абсолютно. Они в материале идут, а собственного основания мысли и действия они не держат. А эта школа принципиальная. Но это, повторяю, было первое испытание – щедровитянское.

Шевченко Л. В.: Но Вы его прошли? Я правильно поняла, Вы его прошли? Ваши девчонки плакали, Вы – не заплакали?

Смирнов С. А.: Нет, я нервно курил, вечерами ходил один, не понимая, что этой девке надо. Нет, я – мужик, я не плакал, но я был в очень серьёзном затруднении: какой же ход-то дальше сделать, что надо-то? То есть я на себя же обращаю ситуацию, ну девка – девкой, мне-то что делать? Ну, ладно, вышел.

²⁸ Тубельский Александр Наумович (1940 – 2007) – педагог, президент «Ассоциации демократических школ», кандидат педагогических наук, основатель и директор «Школы самоопределения».

Я просто потом помню, это было чисто психотехническое затруднение, не содержательное, не в содержании проблема была, а в каком-то таком психотехническом действии, рефлексивном. Но, правда, девица эта – она же как, она же проблематизировала, но помощи не предлагала, сама-то вместе со мной не искала. И сама в содержании не продвигалась, сама ответов ведь не знала. И в этом смысле – это была полуигра, а она-то сама со мной не играла, она была внешним снайпером, она отстреливала, заставляла работать меня, а сама при этом никак не двигалась в содержании. И в этом смысле это было, конечно, не совсем адекватное действие, ну, я это понял. Но мне же дальше работать: мне самому потом надо было понять, что значит создавать экспериментальную площадку по любому материалу в образовании, и я кое-что понял, поехал дальше работать. Нормально. Постольку, поскольку действие было сугубо психотехническое, не содержательная проблематизация, а такое вот буквальное – в тело бьёт.

Шевченко Л. В.: А Вы когда занимались всеми играми в том числе, у Вас какая позиция была в этой игре? В плане психотехники той же – насколько Вы жёстко могли вышибить?

Смирнов С. А.: На первом месте у меня всегда содержательная мотивация, конечно. Я хотел освоить методологию кружка, вот всю. Я сидел в залах читальных, я же всё законспектировал по студенческой привычке, в НГУ, в педвузе, где угодно, в консерватории, в ГПНТБ, я лазил по библиотекам, читальным залам и выискивал все эти статьи ГП, на которые он сам ссылался. А он же педант, у него во всех текстах ссылки на себя, всё указано, потом в этих ссылках новые ссылки, и так по эстафете я в принципе законспектировал все эти будущие чёрные «кирпичи». Всё фактически, ну, кроме лекций, которые впервые потом были опубликованы под названием «Философия у нас есть», есть такая лекция во втором «кирпиче», а то, что в первом «кирпиче», я всё уже знал, всё уже читал. Мне важно было понять вот это действительно для меня удивительное новое содержание. Они для меня были очень содержательные, эти тексты. Тем более, я, естественно, когда читал, я же его видел. Вот он, передо мной. Я же его видел в действии, а тут я его читаю, и он мне как живой собеседник всё это рассказывает. Мне, в принципе, всё это было понятно, я тут ещё параллельно игры веду, семинары, и это всё у меня как-то складывалось нормально, всё понятно. И мне понятны были его тезисы, я даже этим иногда бравировал на очередной конференции с аспирантами в НГУ. Например, на конференции выступаю и говорю: «Нет в мире ничего, кроме мышления и деятельности». Они на меня: «Как!» Раз, на меня напали. Но мне-то этот тезис был понятен, я мог его объяснить. А им это было совершенно непонятно – а как это?! Как это понять: в мире нет ничего, кроме мышления и деятельности? А контекст-то был понятен. И в этом смысле, на первом месте, конечно же, я ощущал что-то там за человеком, но это же всё упаковывается в своё содержание. Оно было очень своё, своим языком, со всеми этими картинками, рисунками, схемами. Научился схемы рисовать – это же всё неотъемлемая часть. Я уже не мог не рисовать. Я не мог, когда кто-то выступает с докладом, стоит, что-то там объясняет, но не показывает. Я говорю: «Вот доска – рисуй!». Уже всё это осваивалось как инструментальный в том числе, и фактически получал ещё одно образование, дополнительное. Мне это было важно.

Шевченко Л. В.: Знаете, как-то на одной лекции в Томске (по управленческой тематике), я помню, Пётр Щедровицкий сказал: «Вот Георгий Петрович придумал свою утопию». Ну, то есть вот такая вот квалификация – «утопия мыследеятельности».

Смирнов С. А.: Он так сказал?

Шевченко Л. В.: Так сказал.

Смирнов С. А.: Называется, сын отца. Но это не утопия! Это не утопия. Это действительность реального мира! Это ещё одна онтология. Ещё один мир.

Шевченко Л. В.: Я вот к чему веду: это же такая невероятная вещь, некие гениальные идеи, кто соприкасается с ними, кто их начинает осваивать, уходит куда-то. То есть это риск. Вы вот так вошли, и с Вами вот это случилось, а других как можно характеризовать? Какие пути сейчас ещё видны и осмыслены?

Смирнов С. А.: Кто-то начинает осваивать это опыт как технику, уходит туда как в узкую нишу и там пропадает. Но это как квазиуход в монастырь, понимаешь? Для меня моя ситуация – не уход. Для меня это новый мир, который я открыл. И это ещё один мир, в котором я тоже стал жить. И он для меня открытый и, Боже упаси, это никакой не уход. Я просто знаю людей, которые туда уходили, и в том числе в Томске. Я просто их знаю. Например, ребята в Томске, забыл, как звать... Они издавали в одно время журнал «Следующий шаг». Они умерли в ГП. Себя-то ведь, бедные, не нашли. Не могли выражать своими словами то, что хотели сказать. Обязательно надо бежать, открывать источники и говорить чужими словами.

Шевченко Л. В.: У меня вопрос про это. Это как идеология: они стали вот это всё копировать и расширять?

Смирнов С. А.: Даже не расширять. Они же себя, свой голос так и не нашли. Кто-то уходил в Мераба Мамардашвили, кто-то в Щедровицкого. Кстати, тут для меня важен ещё один эпизод. Я просто удивился. Два года назад была конференция памяти Мамардашвили, там целая компания его последователь. А Елена Мерабовна, его дочь, знала про мою книжку²⁹, потому что прежде, чем её издать, я ей отправил рукопись, чтобы она посмотрела, не сильно ли я там наврал. Мне просто интересно было её мнение. Она говорит: «Нормальная книжка, молодец, спасибо, издавай. Нет проблем». И она рассказала этим коллегам про меня, они мне позвонили, говорят: «Вот проводим конференцию, не хотите участвовать?» – «Да, с интересом». Мы встретились, а там человек 10-15, и я почувствовал: они бедные, несчастные, для них Мамардашвили стал музейным экспонатом. Они к нему относятся так, как музейщики-смотрители в музее относятся к экспонатам, сидят – руками не трогать, чтобы экспонат не запылится, чтобы, не дай Бог, эта статуя не упала, статуя Мераба. Не дай Бог, ты начнёшь её трогать и что-то там по-своему выкатать и бякать. А я там про себя говорил, про свой опыт понимания через него. Про свою навигацию, про свои темы. Для меня Мераб в своих лекциях о Прусте был ключевой автор, потому что там реальная навигация показана. Я поэтому и увлёкся, так увлёкся, что даже книжку наваял. Не потому, что я знаток, а потому что на этом материале я разворачивал (пытался развернуть) эту самую тему личностной

²⁹ Смирнов С. А. Мераб Мамардашвили: топология мысли. СПб.: Алетей, 2020.

навигации³⁰. И я чувствую, блин, что я не туда буровлю, потому что им важно было правильно, корректно пересказать Мераба Константиновича, потому что я слова стал употреблять как-то не туда, чисто по-своему.

И это везде, и также это было у Георгия Петровича. Он, бедный, пережил метаморфоз в умах этих людей. Он-то всю жизнь пытался в них людей вырастить, чтобы они начали расти, а они превратились в этих копиистов-музейщиков, охранников наследия великого Автора. Я их не обвиняю. Наверное, не было таких амбиций. Он в них так вошёл, что они стали говорить на его языке, а в их варианте это получился «птичий» язык. Потому что это не их, это не про них. Они же не переварили и сами метаморфоз не совершили, как ГП-то совершал, прежде, чем стать ГП. Он-то, мама дорогая! Мы то знаем! Он про это честно рассказал в своей книжке «Я всегда был идеалистом»³¹. Там всё показано, как это было с ним. Всё ж показано – ничего не надо сочинять. Он просто честно всё это рассказал. Я-то действительно погружался (может я максималист): когда он пишет текст и ссылается на автора, я читаю и его, и этого автора. Когда он ссылается на Канта, так я и Канта должен понять! И также и всех остальных авторов. Когда он ссылается на Имре Лакатоса, надо знать и Лакатоса с его научно-исследовательскими программами, понимаешь³²?

Я помню, как в педере очередная лекция была у него. Его спросили: «Георгий Петрович, кого Вы можете назвать из современных методологов науки?». Он и говорит: «Лакатос. Читайте Лакатоса». Только тот, кто задавал вопрос – так и сник. Он эту фамилию сроду не знал и даже не знал, с какой стороны подойти. Вот, иди и осваивай. Вдруг Щедровицкий называет эту фамилию. То есть за его текстами огромный шлейф его личной титанической работы, он это всё осваивал. А эти ребята, «птичники», они этот шлейф-то не осваивают. Они на нём остановились, его воспроизводят, а шлейф всей традиции интеллектуальной не осваивают, западной, не важно, отечественной. Более того, тут рядом ещё и горизонтальная линия. Тут рядом был Ильенков, рядом Зиновьев³³ о своей диссертацией и логическими работами, рядом Мераб со своей докторской «Форма и содержание мышления»³⁴. Тоже законспектировал, а там сплошной Гегель. Там же рядом Грушин Борис Андреевич³⁵.

Я помню, выступаю, весь из себя, здесь в НГУ, аспирантом ещё был. Ладенко сидит в первом ряду, слушает, что я там буровлю. Это у меня был первый черновик кандидатской диссертации. И тут Иосаф Семёнович говорит: «Послушайте, что вы тут открываете Америку? Почитайте Грушина Бориса Андрее-

³⁰ Смирнов С. А. Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск, Офсет, 2016.

³¹ Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... Москва: Путь, 2001.

³² Лакатос Имре (1922 – 1974) – методолог науки, представитель постпозитивизма.

³³ Зиновьев Александр Александрович (1922 – 2006) – философ, писатель, логик, социолог, публицист. Защитил кандидатскую диссертацию «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)» в 1954 году. После публикации на Западе книги «Зияющие высоты» и романа «Светлое будущее» в 1978 году был выслан из страны и лишён советского гражданства. Вернулся в Россию в 1999 году.

³⁴ Мамардашвили М. К. Форма и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М.: Высшая школа, 1968. (переиздана в 2011).

³⁵ Грушин Борис Андреевич (1929 – 2007) – философ, социолог, методолог исторических и социологических исследований, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО.

веча, у него там много чего хорошего и интересного написано по вашей теме». Грушин Борис Андреевич? Так это один из этих диалектических станковистов. Вот его «Очерки логики исторического исследования»³⁶. У Тыщенко она оказалась, я у него взял, сейчас она у меня есть. То есть, ты пытаешься и весь контекст понять, всё, что там рождалось. Они же там клубились, кружковались в 50-е годы – это просто интересно, как они там начинали. Потом разошлись – это отдельная песня. Но вот это всё, оказывается, Борис Андреевич тоже освоил – понятие логики исторического процесса. Там у него тоже всякие рисунки и т. д. И тогда где лекарство от того, чтобы не быть этой «птичкой»?

Шевченко Л. В.: Это к вопросу о наследии, о подлинном наследовании. Вы как в этих сообществах определённых дальше жили, живёте?

Смирнов С. А.: Белая ворона (*смеётся*). Потому что здесь Щедровицкого не любят и не понимают. И, кстати, антропологию тоже. Здесь антропологии нет. В философском сообществе Новосибирска антропологии нет. И мне здесь общаться не с кем. И никогда не было с кем. Когда был жив Тыщенко – художественно с ним. Ну, ещё разные филологи, с которыми обсуждал что-нибудь такое «за человека», или психологи Выготского обсуждают. А так, чтобы было профессиональное сообщество, интересы устойчивые, люди – этого здесь просто нет. С другой стороны, собеседники по антропологии все там – Москва, Питер. А по части методологии тут получилось так: я же не пошёл за ними, я не пошёл в кружок, не стал там клубиться, я не стал там своим.

Шевченко Л. В.: Почему?

Смирнов С. А.: Своя какая-то была траектория. Просто шёл дальше своим путём. У меня не было нужды погружаться в кружок. Во-первых, заседания кружка были в Москве. Я же туда не поеду, а если бывал в Москве, я туда иногда заезжал, но иногда, если получалось. Они периодически собирались, семинарили на Герцена в НИИ ОПП или ещё где-нибудь там. Ну, как бы не сильно. То есть те связи и контакты, которые были, я не стремился поддерживать, не смотрел в рот, не заглядывал в глаза, хотя с тех времён, с Калининграда, они меня заметили и знают.

Здесь надо сказать отдельно о способе моих действий. Мы же здесь, в Новосибирске живём. А что такое Новосибирск в гуманитарном смысле? Извините, провинция. И философия здесь проповедуется туземная, местечковая, заёмная. Типа second hand. Здесь, если есть философы, то они пользуются вторсырьём. Носят пиджак с чужого плеча, цитируют и комментируют западных и столичных авторов. А эти последние приезжают сюда как к аборигенам и дарят им свои бусы, стекляшки, выдавая азы за откровение. Так долгое время считалось и считается. Всё же главное происходит в столицах, полагают все. И вот формируется у местной гуманитарной молодежной интеллигенции этакий стринский синдром, как у Чехова в «Трёх сестрах»: В Москву! В Москву! Я знаю многих местных и из ближайших городов, которые, немного оперившись, сразу улетают в Москву и там пропадают.

А москвичи со своей стороны используют это в своих целях, им нужно вербовать себе неофитов. Они периодически в разных составах наезжают сюда и вербуют себе добровольцев-ландскнехтов. Так было и со щедровитянами, и с другими. Единственный главный пример другой стратегии, согласно которой

³⁶ Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.

приезжают из столицы и создают здесь очаги мысли, это когда московские академики приехали и создали Академгородок. Но делали они это по заданию партии и правительства. И делали они, прежде всего, оборонный проект. О гуманитарных науках никто не думал. Философии своей, самостоятельной, в Академгородке как не было, так и нет. В советское время она была идеологическим приводом к другим проектам. А теперь и этого нет.

Правда, был ещё пример. Когда приехали в Красноярск Давыдов³⁷ и Щедровицкий и помогли создать ППФ³⁸, местный очаг мысли. Получилось. Спасибо Хасану³⁹, Фрумину и другим местным ребятам. Хасан Борис Иосифович, он ученик Щедровицкого, психолог. Помер недавно. Психолог, но методолог-психолог. Очень хороший. С ним мы дружили, в хороших отношениях были. Так же и красноярские методологи. Вот такие, которые большей частью самоучки, но в общем те, которые основали ППФ и с тех пор пошла конференция по педагогике развития⁴⁰ с 1994 года, а с 95-го года я туда ездил почти каждый год. Так же создавалась и «Эврика Развитие» Татьяны Ковалевой⁴¹ в Томске. А вот с Новосибирском у москвичей не получалось. Потому что он мнит до сих пор себя столицей тоже, и тут, после того, как создали свою Академию, свою учёную братию, очередные наезды других воспринимались как конкуренция.

Так вот, мы все переживали этот соблазн уехать отсюда, туда, не делая это место первого рождения как своё, благодатное. Не унавоживая и не одухотворяя его. Чуть что – сразу срываемся – и в Москву! Здесь себя не находим, а там теряем себя, так и не находя. Я тоже переживал соблазн. Я же всегда и до сих пор общаюсь с авторами, собеседниками, которые там. Мне Бахтина и Выготского обсуждать здесь не с кем. Но это я сейчас такой, самодостаточный. Мне физически не надо никуда ехать. Мысль, она работает в других координатах, в «большом времени». Имеет иной хронотоп.

Но, испытывая соблазн, я действовал по-другому. Я сам звал сюда своих столичных собеседников. Чтобы не я туда к ним, а они – сюда. И чтобы здесь точка пульсировала. И с тех пор повелось. Получается так. Я избрал другую стратегию. Если ты что-то хочешь в этой жизни сделать, зачем тебе куда-то ехать? Физически перемещаться куда-то в другое место? Чтобы что? Кто сказал, что, перебравшись физически, ты тут же что-то сделаешь? Станешь умнее? Счастливее, лучше? Успешнее? Что? Тем более, у меня тут был всегда надёжный тыл, якорь, жена и дочь. После всех скитаний, поездок, а я много ездил, я возвращался домой, обязательно с гостинцами для своих девочек, в тепло, в уют и покой.

³⁷ Давыдов Василий Васильевич (1930 – 1998) – доктор психологических наук, профессор, академик АПН СССР, вице-президент Российской академии образования, Один из создателей теории и практики развивающего обучения.

³⁸ Психолого-педагогический факультет Красноярского университета (ныне – Сибирский федеральный университет).

³⁹ Хасан Борис Иосифович (1948 – 2021) – один из создателей российской школы по педагогике развития. Доктор психологических наук, кандидат юридических наук, профессор.

⁴⁰ Первая конференция «Педагогика развития» была проведена в апреле 1994 года небольшой группой психологов и педагогов из Красноярска, Новосибирска, Томска и Москвы. С 2012 года конференция называется «Практики развития».

⁴¹ Ковалёва Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор МГПУ, заведующая кафедрой индивидуализации и тьюторства. Президент Межрегиональной тьюторской ассоциации. Основатель школы «Эврика развитие» в Томске в 1991 г.

Поэтому я зазывал к себе москвичей, чтобы здесь создавать своё место. Хотя много раз разочаровывался. Одного зову, другого, третьего... А здесь ничего не растёт. Но на самом деле помаленьку росло. Хотя после очередного приезда очередного гостя молодые, чуть пригубившие эликсира духовной силы, тут же собирались и уезжали. Были и такие. То есть, получается, что с моей помощью они уезжали. Так выходит.

Помню, в 1996 году я провёл большой семинар памяти Л. С. Выготского, посвященный его 100-летию. Тогда все отмечали этот юбилей. В Москве была большая конференция. Я туда поехал и зазвал к себе Братуся Бориса Сергеевича⁴². Познакомился с Гитой Львовной Выгодской⁴³, позвал её. Она не смогла, со здоровьем было плохо.

На конференции по антропологическим практикам развития. Ижевск. 2015 год.
Слева направо: С. Ф. Сироткин, Т. М. Ковалева, С. А. Смирнов, Б. Д. Эльконин (сидит).

Также с 1996 года ездил ко мне Борис Эльконин⁴⁴. Я с ним познакомился в Москве, на тусовке Фонда Сороса. Где-то в 1994 году. Затем мы уже общались в 1995 году в Красноярске. Более плотно. Я выступил у него на секции на «Педагогике развития» со своим докладом о культурном возрасте. Тогда там я впервые озвучил эту идею, которую потом развернул в своей докторской.

⁴² Братуся Борис Сергеевич (р. 1945) – профессор МГУ, доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, автор работ по христианской психологии.

⁴³ Выгодская Гита Львовна (1925 – 2010) – психолог и дефектолог, кандидат психологических наук, научный сотрудник НИИ дефектологии, дочь Л. С. Выготского.

⁴⁴ Эльконин Борис Данилович (р. 1949) – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии младшего школьника Психологического института РАО. Главный научный сотрудник лаборатории проектирования деятельности содержания образования НИИ урбанистики и глобального образования Московского городского педагогического университета. Главный редактор журнала «Культурно-историческая психология».

Боря поддержал. Ну, слово за слово. Позвал его к себе с курсом лекций. И он несколько раз приезжал со своими лекциями в Новосибирск. Потом ещё приезжал на мои семинары. Ты знаешь.

Его тексты я, кстати, все проработал. Тогда он мне подарил свою «Психологию развития», 1995-го года, первое издание. Он же пишет и рассуждает не как психолог. Совсем не привычно. Сочно, глубоко. Так пишут и рассуждают философы. Для меня это была новая, хорошая Мифология развития. То есть новый Миф человека. Описание феномена его рождения. На примере детской психологии в выготскианской версии. Он стоит особняком среди выготскианцев. Впрочем, кого из них ни возьми, тот особый. Все выготскианцы не похожи друг на друга. Но я считаю его крупнейшим и самым тонким и глубоким носителем идей Выготского в настоящее время, живым носителем этой традиции. Он воспринял его идеи не только текстуально, но, прежде всего, в его направленности, в исходной интенции, экзистенциально.

Где-то тогда же я познакомился с В. В. Давыдовым и В. П. Зинченко. Я же здесь в Академгородке был в хороших отношениях с Иосафом Ладенко. А они вместе учились в МГУ, на философском факультете. Тогда, в 50-х. Они его звали Вася. Так вот, Иосаф дал мне контакт, я позвонил Давыдову, сослался на Ладенко, договорился о встрече. И приехал туда к нему, на Погодинскую, где сидел Давыдов, он был тогда вице-президентом Акапедии, как любит говорить Боря Эльконин. И несмотря на его занятость, мы долго сидели. И так несколько раз. Я в Москву, и по разным адресам езжу, беседую, договариваюсь. К одному, другому, третьему.

Я ему подарил свой первый журнал, «Мастер-класс», со своей статьей по видам образовательных моделей в истории культуры. И свой сборник «Наш Понедельник», в котором впервые опубликовал большую работу о Выготском. Ему не понравилась работа о Выготском, не понравились мои начинания о Гамлете, вся эта моя антропология вокруг него. А вот работа по истории образовательных моделей понравилась. Сказал, что надо эту тему продолжать прорабатывать. А почему не понравился ему мой Выготский? Он был советский философ. Причем, ильенковец. Он не понимал этой метафизики. И это не случайно, что в шеститомнике сочинений Выготского не оказалось его «Психологии искусства» и дипломной работы «Трагедия Гамлета». Они, его ученики и последователи, не понимали его Гамлета. Ну, это отдельный разговор.

Это совсем другой тип мышления. Другая парадигма мысли. И хотя они все дружили с 50-х годов, он, Зинченко, Щедровицкий, Мераб и другие, но все они были принципиально разными.

Говорил Василий Васильевич всегда эмоционально, даже экспрессивно. Как на митинге. Как будто он на собрании. И хотя, например, выступал по содержанию, по науке, но говорил так, как будто выступает на собрании перед партийным коллективом, махая своими маленькими ручками. За этой эмоцией стояла вся его жизнь, его искания. От Бори узнал о его смерти. В 1998 году звонит Боря по телефону: «Вася умер». Всё.

Так же я познакомился и с Зинченко⁴⁵. Они же сидели рядом, там, на Погодинской, кабинеты почти напротив. Бывал у него дома. Подарил ему свои

⁴⁵ Зинченко Владимир Петрович (1931 – 2014) – психолог, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, автор многочисленных работ по культурно-исторической психологии, по-

«Опыты по философской антропологии». Здесь мы как раз с ним сошлись. Особенно было интересно, когда он вдруг написал статью о поэтической антропологии. Правда, она вылилась в набор философских сентенций разных поэтов, а конструкта Владимир Петрович не предложил. Но было очень неожиданно. Вот недавно Федор Гиренок⁴⁶ в его память проводил конференцию. Как раз по тематике поэтической антропологии. Меня позвал.

Я общался с Зинченко несколько раз. В Красноярске, в Москве, на семинарах, которые еще Фонд Сороса проводил. Он был очень интересным собеседником, ироничным, содержательным. Потом, после его ухода, я опубликовал в своём журнале статью, которую он давно как-то написал вместе с Мерабом, об объективном методе в психологии. Замечательная статья, программная, методологическая⁴⁷. Я спрашивал у Бори, какой текст опубликовать его памяти, и предложил его. Он тут же согласился.

Помню, мы встретились в Красноярске, на очередной конференции по педагогике развития. Хотя он туда редко ездил. Обсуждали Выготского и новую книгу М. Коула⁴⁸. На одном из перерывов вышли на улицу. Он и говорит, затягиваясь сигаретой: «Вот что они, американцы, понимают в Выготском? Ну что? Другая среда, другие истоки, всё другое. Это какой-то выпендрож, при всём уважении к Майклу Коулу».

Он был прав. При понимании важен контекст, важны детали, акценты. Мне Боря тогда подарил одну рукопись Коула, распечатку одного его доклада. Там сугубо по-американски знак, психологическое орудие называется артефактом. У них соединились изыскания Выготского (понимаемого в их версии) и американских антропологов, которые все искусственные, культурные орудия называют артефактами. Так вот, например, как они переводят слово опосредование? Mediation. А как опосредствование? Тоже mediation. У Д. Вертча тоже. Я не нашёл в их текстах различия. Точнее, они в акте развития по Выготскому выделяют лишь орудийный аспект, момент овладения человеком орудия, а вот аспект овладения собой теряется. Но именно этим суффиксом в слове эти два момента и различаются. Ты замечала, как велико значение в русском языке приставок и суффиксов? Например, замысел, промысел, вымысел, умысел. Разные приставки меняют смысл и направленность действия, скрытого за словом. Здесь в суффиксе также заложена разница. Опосредование означает овладение человеком способа действия с орудием. А опосредствование означает овладение с помощью психологического орудия собой, своими аффектами и процессами. Разница, как говорил Выготский – в направленности, вовне или вовнутрь.

Шевченко Л. В.: А ещё кого особо хранит память?

этической антропологии, психологии движения и др.

⁴⁶ Гиренок Фёдор Иванович (р. 1948) – философ, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Автор концепции сингулярной антропологии.

⁴⁷ Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109–125.

⁴⁸ Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: «Когито-Центр», Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Смирнов С. А.: Также я зазывал, к примеру, Глазычева Вячеслава Леонидовича⁴⁹. Когда мы здесь задумали проводить Градостроительный форум⁵⁰, я был программным директором, нужно было формировать экспертный пул. Я там зазывал многих. И Блинкина Михаила Яковлевича, специалиста по транспорту и урбанистике. Один из ключевых экспертов по концепции развития транспорта и логистики в стране, работает сейчас в Вышке. Также зазывал Дениса Визгалова (помер скоропостижно), сильного специалиста по маркетингу города.

Но главным экспертом был для меня Глазычев. Я даже не помню, откуда я надыбил его телефон. В общем, я ему позвонил в очередной из своих приездов в Москву. Он откликнулся. Договорились о встрече. И мы встретились у него в МАРХИ. Там у него была своя берлога. Он вынужден был в первый раз выходить меня встретить, потому что надо было идти по институтским лабиринтам. Я бы сам не нашел, заблудился. Вот так мы договаривались, я к нему приезжал, и мы беседовали у него в берлоге. Он наливал свой крепкий кофе, закуривал трубку, и мы беседовали. О городе, об урбанистике, общественных инициативах. Он тогда запускал первый состав Общественной палаты РФ, был активным деятелем первого созыва Палаты. О Щедровицком говорили. Ему понравились мои идеи про Город, мы были близки идейно. Потом, уже в 2011 году, он мне подарил только что вышедшую книгу «Город без границ»⁵¹. В общем, он потом приезжал и к нам на Градостроительный форум, и на форум «Интерра». Был всегда элегантен, речь была подчеркнута выстроена, точна, как строгий архитектурный узор. Потом мы все узнали о его внезапной кончине в Таиланде в 2012 году.

Глазычев В. Л., Смирнов С. А.

На Экономическом форуме в Крынице-Здруй. Польша. 2007.

⁴⁹ Глазычев Вячеслав Леонидович (1940 – 2012) – архитектор, общественный деятель, специалист по урбанистике и дизайну, переводчик, публицист. Кандидат философских наук, доктор искусствоведения, профессор МАРХИ, член Общественной Палаты РФ первого созыва.

⁵⁰ Градостроительный форум «Город Завтра». Проводился в Новосибирске в 2008-2012 гг.

⁵¹ Глазычев В. Л. Город без границ. М.: Из. Дом «Территория без границ», 2011.

Иногда пересекаемся с Юрой Громыко. Очень редко. Вот сейчас, в ноябре, будет конференция по Выготскому, и он будет тоже докладывать. Но это такие косвенные контакты, которые никуда не выливаются, ни во что не воплощаются. Иногда я к ним даже обращаюсь. Вот с Серёжей Поповым даже хорошо контактировали. Я зазвал его сюда в 2009 году, чтобы он рассказал про свой первый форсайт «Детство 2030». Он приезжал и сделал презентацию о форсайте в нархозе⁵². А потом он мне звонит и говорит: «Мы игру проводим «Будущее Академгородка» по заказу РосНАНО, приходи, давай». И три дня мы играли здесь, на базе выставочного центра. Или Саша Зинченко. Я его просто позвал на Интернетру, мы с ним трёхдневную игру провели в рамках Интернетры. Саша уже был больной, было видно. А потом он помер от рака. То есть если я, так сказать, позову, зазову – нормально.

Шевченко Л. В.: У Вас своя логика взаимодействия с сообществом?

Смирнов С. А.: Это личные контакты. Просто личные контакты. А так, чтобы быть щедровитянином? Ну, надо сказать, методологического сообщества давно нет. Оно было во времена ГП. С его уходом оно распалось.

Хотя меня сразу раскусывают другие. Вот, например, Фёдор Иванович Гиренко. Замечательный мужик! Вот такой философ, классный! Провокативный, очень интересный. Мне с ним очень интересно, хотя он совсем другой. Вот совсем другой. Когда я задумался над докторской, думаю, надо куда-то сунуться с защитой. Здесь ничего нет, ни совета, ни специальности. А у меня она по антропологии. Вот «Культурный возраст человека»⁵³, легла в основание докторской. Куда-то надо сунуться. А тут Розин Вадим Маркович⁵⁴. Но с ним я с тех пор давно уже дружу. Звоню: «Ну, что, как?» – «Ну, давай. Давай сюда». Узнал: МГУ, кафедра философской антропологии, а там Розин и Юдин тоже преподают. Сунулся, а там Гиренко, он тогда был заместителем заведующего, заведующим был Стёпин⁵⁵, почему-то Стёпин. Сунулся, отдал им рукопись, потом звоню ему, а он говорит: «Ну вы же щедровитянин, ну, понятно с вами». Вот что к чему? Я, ещё вообще-то говоря, с ним толком не общался, отдал рукопись вот этой книжки. Но он хорошо относился и к Щедровицкому, и к Ильенкову, потому что хватает ума признать, что это мужики-то мощные как мыслители, хотя он, конечно, совсем другого типа.

И всё, пошло, поехало. Там Розин, Юдин были экспертами, в итоге защитился там в МГУ. Но начал-то с чего? С того, что вот какой-то там, с Новосибя, Смирнов, которого Гиренко не знал, почитал его рукопись, говорит ему: «Так ты – щедровитянин!» То есть по каким-то таким признакам в тексте, может быть, манере говорения, обсуждения, какого-то такого вот способа взаимодействия он увидел во мне мой способ рассуждения.

⁵² НГУЭУ – Новосибирский государственный университет экономики и управления.

⁵³ Смирнов С. А. Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. Новосибирск, ЗАО ИПП «Офсет», 2001.

⁵⁴ Розин Вадим Маркович (р. 1937) – философ и методолог, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Один из первых участников Московского методологического кружка, развивает своё направление в методологии, основанное на идеях и принципах гуманитарного подхода, семиотики и культурологии.

⁵⁵ Стёпин Вячеслав Семёнович (1934 – 2018) – отечественный философ и организатор науки, специалист в области философии и методологии науки. Доктор философских наук, профессор, академик РАН.

Шевченко Л. В.: Почему, когда Вы его, Гиренка, характеризуете, Вы говорите, что он «классный мужик»? За счёт чего Вы его определяете так?

Смирнов С. А.: Автор. Интересный собеседник. Со своим голосом.

Шевченко Л. В.: За счёт авторского слова?

Смирнов С. А.: Да. У него есть своё содержание, ему есть, что сказать. Он не «птичка», и не люмпен, и не копия, а он сам автор. Это ключевой критерий. Поэтому те, кого я зову, к кому обращаюсь – это авторы, которым есть что сказать. Я их и зову в свой журнал, например. Да, вот Фёдор Иванович совсем другой человек, но, пожалуй, после того, как ушёл Хоружий⁵⁶, ушёл Генисаретский, ушёл Подорога⁵⁷, ушёл Гуревич Павел Семёнович⁵⁸...

Всё! По антропологии в России больше никого! Он – самый крупный. И самый интересный. Ну, так получается. Хотя они с Хоружим не дружили, я это просто знаю. Мне, помню, Хоружий говорил, возмущался. Но он же мужик такой, ригорист, максималист: если он ругает, то ругает очень сильно и эмоционально в том числе. «Прочитал статейку в газетёнке». А это была, я помню до сих пор, это было приложение к «НГ» - «НГ-Ex libris». То есть, прочитал статью Гиренка, где он даёт рецензию его книжке «Очерки синергической антропологии», вопросы задаёт. В принципе, нормально, но по-гиренковски так, немножко с поддёвкой. Нормально, мягко. Как Сергей Сергеевич взбеленился: «Кто такой Гиренок! Как слон и Моська! Ну это кто такой, это вообще ни в какие ворота! Сергей Алевтинович! Ну это вот что такое»? Вот буквально. Он был сильно обижен. Просто обижен. Просто было видно, как его лично сильно задела суждения Гиренка о его работе. Нет бы выйти в содержательную дискуссию, в рефлексивную позицию, но... Кстати, так же он относился и к Подороге. «Кто такой, что такое Подорога?! Что он там это всё в «Мимесисе» пишет? Да ничего там нету, ничего он не понимает в антропологии литературы!» (*смеётся*). Ну, за Сергеем Сергеевичем это велось. Он же, к сожалению, мыслитель всё-таки тоталитарного типа. Такого, который выстраивает свой великий, конечно, Монблан. Там такая гора, что мама дорогая! И поэтому рядом никого не должно стоять. Это невозможно. И поэтому рядом с ним никто стоять и не мог. Да он и не терпел. Это, кстати, причина того, что я с ним поругался.

Был такой эпизод. Молодой парень, кандидат наук из Нархоза, Иван Коквин. Он участвовал в моём проекте, я его попросил: «Сделай небольшой обзор современных работ по антропологии у нас в России. Какие там авторы, кого ты почитал». Он, так сказать, старательно, дисциплинированно всё это почитал, в том числе Хоружего, и в этом обзоре стал вопросы задавать: «А вот так

⁵⁶ Хоружий Сергей Сергеевич (1941 – 2020) – отечественный ученый, математик, философ, переводчик. Известен переводом на русский язык знаменитого романа «Улисс» Д. Джойса а также философскими и богословскими исследованиями аскетической практики исихазма. Автор концепции синергической антропологии.

⁵⁷ Подорога Валерий Александрович (1946 – 2020) – отечественный философ, художественный критик, преподаватель. Доктор философских наук, профессор. Заведующий сектором аналитической антропологии Института философии РАН. Профессор РГГУ. Лауреат Премии Андрея Белого.

⁵⁸ Гуревич Павел Семёнович (1933 – 2018) – отечественный философ, культуролог, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника».

ли? А может быть и так»? Всё в мягкой форме. Я опубликовал его в своём журнале (*смеётся*). Я считаю, что это мой журнал, я редактор.

Шевченко Л. В.: Где Хоружий тоже редактор...

Смирнов С. А.: Где он приглашённый мною научный редактор. И я, вообще-то говоря, не обязан был с ним согласовывать, он помогал мне искать авторов. Сам публиковался и помогал искать других авторов. Пардон, деньги находил я. Исходно альманах мой, это же потом мы познакомились. Он мне звонит: «Сергей Алевтинович! Это никуда не годно! Кто такой Коковин? Что он вообще понимает в синергичной антропологии?! Это почему Вы позволили»? А что, он начальник что ли? Согласовывать с ним? Я думал, что у нас коммуникация другого типа, не «начальник-подчинённый».

Шевченко Л. В.: Вы не ожидали такого звонка? Или ожидали?

Смирнов С. А.: Я, зная его, ожидал, что прилетит (*смеётся*), но не думал, что так радикально. Потому что после этого мы очень долго не разговаривали, не переписывались, вообще никак. Потом помирились, даже редко иногда переписывались. Да, я его поздравлял с юбилеем и прочее, но как раньше уже не было. Фактически, если он рвёт, то рвёт.

Шевченко Л. В.: Меня на самом деле биография Хоружего поразила. Я не знала про его маму, про его отца.

Смирнов С. А.: Мама – Герой Советского Союза, партизан Белоруссии.

Шевченко Л. В.: Какой силы там вот эта вся история – что она его родила и дальше партизанила. Когда я вот это узнала биографическое, я поняла и про него многое тоже.

Смирнов С. А.: Плюс к этому, он же фактически несколько раз рождался. Математика была у него там, параллельно шла русская философия. Он был диссидентом фактически, самиздатом занимался. Ну и все вот эти песни советского периода.

Шевченко Л. В.: Тогда получается, что и Хоружий, и Генисаретский – они в Вашей жизни как свободные люди – авторы?

Первый Антропологический семинар. Новосибирск. Декабрь. 2007 г. Слева направо: С. А. Смирнов, С. С. Хоружий, О. И. Генисаретский

Смирнов С. А.: Это было тоже одно из испытаний для меня. Испытание Хоружим. Оно было сравнимо с испытанием Щедровицким. Поскольку Щедровицкий меня испытывал, но не буквально – вот тут рядом, я же с ним не семинарил, я знал его, он знал меня, но только на лекциях и на играх. Но семинарительто на кружке я с ним не семинарил. В этом смысле, испытание было такое, содержательное, испытание его работами, его личностью в целом. А вот Хоружий – это уже испытание личное, глаза в глаза. Вот он тут, вот я выступаю, и вот он постоянные пинки и затрещины даёт. И это испытание было очень тяжёлое. Причём испытание по содержанию.

Шевченко Л. В.: Как Вы вообще попали в одну ситуацию?

Смирнов С. А.: Так я же наглый и настырный. Я если узнаю, то звоню или пишу. Не важно, где человек живёт. Узнал, что есть такой – Хоружий.

Шевченко Л. В.: Чем он Вас привлёк? Чего там такое? Вы прочитали что-то или как?

Смирнов С. А.: Да, да. Сейчас скажу. Во-первых, когда я создал свой журнал «Человек.RU», издал в 2005 году первый номер, стал искать авторов. Думаю, ну что, надо звать, искать. Здесь почти никого. Стал рыть. Уже пошли работы, публикации. И вот, я даже не помню, если честно, какая конкретная работа. То ли «Феноменология аскезы»⁵⁹, то ли ещё какая-то. Но даже не «Очерки»⁶⁰ («Очерки» он мне потом подарил, я их ещё не читал тогда). Я просто узнал про него: просто имя, просто фамилия. И статьи в «Вопросах философии». Во-первых, раньше же вышла его книжка с чёрной обложкой, где было издано много того, что у него было в столе⁶¹ неопубликованного. Там, в том числе, «Философский пароход», и по русской философии. И знал, что он – переводчик Джойса. Ух ты, как-то так всё в одном человеке! Стал рыть – узнал, там смотрю адрес – написал. Он ответил. И прислал мне текст «Существо, трояко размыкающее себя»⁶², три его топики человека. И вот в моём журнале она вышла. Это у него была одна из черновых версий работы, которая пошла в книгу «Очерки...». И всё, и я просто так стал осматривать: да, это крупняк! Другого такого нет. И пошло – поехало. Слово за слово, сначала он просто тексты присылал, потом мы с ним договорились семинаритель, и так схему построили: семинар – альманах, семинар – альманах. И так несколько лет. Приезжаю туда в Москву к нему на Белую дачу (даже там ночевал периодически), обсуждаем, каких авторов привлекать, по какой теме семинаритель. У нас очень хороший был период, содержательный, насыщенный, буквально период движения и освоения. Он параллельно писал свой «Фонарь Диогена»⁶³, где про Мишеля Фуко подробно написано, и ему было важно тоже обкатать ряд своих содержательных ходов, которые он озвучивал, потом писал и раз – в журнал. И нормально. Кстати, на второй семинар он привез Погоняйло Александра Григорьевича, переводчика Фуко и Делеза. Он как раз перевёл «Герменевтику субъекта», мы на семинаре проект «практик себя» у Фуко и обсуждали.

⁵⁹ Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. Изд-во гуманитарной литературы, 1998.

⁶⁰ Хоружий С. С. Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2005 г.

⁶¹ Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейа, 1994.

⁶² Хоружий С. С. «Человек: сущее, трояко размыкающее себя» // Человек.RU. 2006. № 2. С. 31–56.

⁶³ Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.

Второй антропологический семинар. Декабрь. 2008. Слева направо: С. С. Хоружий, С. А. Смирнов, А. Г. Погоняйло, О. И. Генисаретский.

А рядом ещё незабвенный Генисаретский (*смеётся*). Он его стал привозить. А Олега-то я знал до этого, независимо от этого, через щедровитянство всё-таки. Но тоже удивление: какой щедровитянин?! Генисаретский – это Генисаретский. Ну, конечно, он не щедровитянин. Он тоже самостоятельный мыслитель, который просто вот тоже по-своему понимал, делал. Для него ГП был тоже мыслителем и всё. Он же тоже не клубился в этой тусовке. Он шёл своей дорогой. С Генисаретским у меня своя была траектория разных взаимодействий.

Шевченко Л. В.: А как Вы к содержанию Хоружего отнеслись? Оно ведь сугубо религиозное?

Смирнов С. А.: Не моё. Очень не моё.

Шевченко Л. В.: «Не моё, но мощное»?

Смирнов С. А.: Но мощное, да. И очень многое я воспринял от него, это по моим работам просто видно, и ссылки, и переклички, и постоянные отсылки и цитаты – всё это конечно обязательно. Он мне нужен был как собеседник, как очень мощный автор. Но не моё. Потому что у него же там гибрид богословия и философии. Там же без Бога никак. Я не могу. Я в богословие не иду.

Шевченко Л. В.: И он нормально работал, понимая, что Вы – «без Бога»?

Смирнов С. А.: Нормально, нормально. Надо отдать ему должное. Он же как учёный – мощный мужик. У него хватало научной культуры и традиции быть просто учёным-исследователем. Он не тащил в богословие. Тем более, не тащил ни в какую церковь. Он же сам по жизни, вроде бы, совсем светский человек. По жизни. То есть не тот, который лбом бьёт и каждый день в церкву бегаёт. Нет.

Шевченко Л. В.: Да, портрет у него известный с книгой Джойса в руке – такой светский образ.

Смирнов С. А.: Да, помню. Или его статья «Портрет автора» с Джойсом. Тут богословие, тут Джойс, тут его энергия, синергия – и это всё в одном. Это всё

поразительно совершенно, поразительно. И это всё у него сочеталось. Когда я прочитал его «Улисса в русском зеркале»⁶⁴, вообще шикарно. Просто шикарно! Это же просто литературное произведение – просто блестящее.

Шевченко Л. В.: Шикарное. И свободное очень.

Смирнов С. А.: Он же там заигрывает с Джойсом и сам отдельную главу написал вот этим самым стилем.

Шевченко Л. В.: И неожиданно просто.

Смирнов С. А.: Да. И это было вполне органично. Это не выглядело графоманством. Просто очень хороший литературный текст. Я у него учился и этому тоже: излагать, писать. Я пытался его понять как автора, как он аргументирует. Он как автор, учёный-исследователь, абсолютно мощный такой, логически выверенный автор. Тексты у него совершенно, абсолютно аргументированные, логически выстроенные. Здесь нет вот этого квазиметафизического, квазибогословского наворота, который у разных русских философов типа Бердяева и т. д. У него здесь всё очень научно выверено, всё просто мощно. Но я понимаю, что я не могу себя считать последователем Хоружего. Вот это точно.

Шевченко Л. В.: Ну, это понятно.

Смирнов С. А.: И в этом смысле, кстати, это трагическая фигура. Где продолжение? В лице кого? Некоторые авторы претендовали, чтобы быть его последователями, но это всё не то, не то. Ну, надо сказать, он сам свой вклад внёс в это дело. Потому что быть его последователем – это тяжёлая ноша. Это надо просто идти за учителем и повторять его подвиг. Это не просто.

Я бы также добавил, что все же Сергей Сергеевич Хоружий – личность тоталитарного, монологического липа. Он шёл как большой корабль, своим путем. Но, будучи масштабной, мыслящей личностью, был ориентирован на свой сугубо личный путь. И других голосов и траекторий не слышал и не видел. А слышал тогда, когда это было ему нужно. Он предельно монологичен. И потому не воспринимал, кстати, Бахтина как самостоятельного мыслителя. Он пару-тройку раз ссылался на его идеи про диалог. Ну и всё. «Философию поступка» он не воспринял. Он не считал, что это нечто самостоятельное в философии. Причём, сильно близкое и пересекающееся с ним.

По этой же причине он не воспринимал и Мамардашвили. Он мне сам однажды сказал, я это точно помню, что Мамардашвили ничего концептуального и нового в философии не сделал. Ну, так, рассуждения вокруг да около. Интересно, но не глубоко. Не концептуально.

Кстати, замечу на полях, к устному философствованию Мераба многие наши отечественные философы, особенно западной ориентации, например, специалисты по эпистемологии и философии науки, которая тогда долгое время у нас доминировала, его не воспринимали. М. А. Розов как-то сказал про него: шелест листьев вечного дуба. Мол, что-то там шелестит, местами интересно и даже приятно, но ничего на этом построить нельзя. Заметь, построить! Построить концепцию!

Мы здесь видим урок. Стремление построить концепт, в пределе, доктрину, становится прямым следствием монологического мышления. Об этом, кстати, Бахтин-то постоянно и писал. Вот Хоружий тоже стремился построить Доктрину. И, кстати, он это сделал.

⁶⁴ Впервые опубликовано в: Джойс Д. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Улисс: роман (часть III). М.: Знак, 1994.

Шевченко Л. В.: Вернёмся к Вашей антропологии. Вы рассуждаете сейчас про то, что есть поле антропологии, и Вы здесь занимаете определённое место. Чувствуете Вы эту ответственность? За то, что Вы сделали и как оно должно дальше жить. К вопросу о последователях.

Смирнов С. А.: Вот здесь я совершенно безответственный (*смеётся*). Как там дальше...

Шевченко Л. В.: Вы про это не думаете?

Смирнов С. А.: Абсолютно нет. Не думаю, вот честное слово.

Шевченко Л. В.: Никогда?

Смирнов С. А.: Мне, дай Бог, успеть что-нибудь такое ещё сваять. У меня там есть пара-тройка задумок. Просто хочется и всё. А что там дальше...

Шевченко Л. В.: А когда у Вас были ребята (аспиранты), у Вас было желание сообществом это сделать? Или чтобы они взяли некоторую линию.

Смирнов С. А.: Ну, косвенно, само собой. Были разные проекты. Я ведь живу проектами. Да, ученики появляются, но не потому что я создавал школу или кружок. Ну, точно не создавал. А коль скоро я запускал какой-нибудь проект, то он как магнит начинал притягивать к себе и обрастать молодыми. Это было и есть.

Представь себе, стоишь ты на пляже. На пляже! Загораешь с женой и дочкой. Подходит к тебе парень, здоровый – на голову выше:

– Здравсьте, Сергей Алевтинович! Не узнаете? Вы у нас уроки вели в 54 лицее.

– Да, вёл.

– Спасибо Вам. Вы меня на жизнь наставили.

Вот это что?! Не знаешь, откуда прилетает, «как наше слово отзовется». В разных местах наследись...

Помню, по экспериментальной группе. У меня там появлялись действительно такие люди, которые до сих пор спасибо говорят. Игорь Родневич, который в Питере давно живёт. Он не пошёл в философию, он поёт песни и пишет стихи, любит Высоцкого. Но он тебе благодарен и до сих пор с тобой встречается и пишет письма. И таких – не один, они просто в разных местах. То в этом месте, то по педу, то по школе этой, то по той школе, то по работе, то по Нархозу. Таких много, наверное, их можно назвать учениками, а точнее теми людьми, на которых я как-то повлиял – у них траектория пошла по-другому, такие есть, но это не связано никак с амбицией по поводу школы, продолжения какого-то.

Во-первых, я совершенно не представляю, что это такое и как делать, и надо ли. Я просто живу проектами, и мне вот это интересно: интересна какая-то проблема, я запускаю проект, в этом проекте несколько лет с людьми общаюсь, работаю, в результате этого проекта какой-то человек, благодаря тебе, защищает кандидатскую, например. Ты у этого человека не являешься официальным руководителем, но ты его учитель-консультант, и благодаря тебе он её доводит, потому что руководитель почему-то совсем не помогает. Бывает и так. Ну и кто он тебе? Ученик? Вот такие влияния, да, есть, но они совсем разные. Кто-то в бизнесе, кто-то тоже преподаватель философии, кто-то кандидат наук, кто-то археолог, кто-то песни пишет, кто-то учитель, кто-то психолог. Они самые разные. Вот у меня в экспериментальной группе 15 человек

было. Все очень разные стали по жизни, очень разные, но пинок в развитии они получили хороший. И в Нархозе была экспериментальная группа, в разных местах. Но это не философы (*смеётся*).

Семинар по антропопрактикам. Новосибирск. 2015 г. Слева направо: Нижний ряд: С. А. Смирнов, Т. М. Ковалева, С. Ф. Сироткин, В. Р. Имакаев, Л. А. Новопашина, Н. Х. Орлова, Б. И. Хасан. Верхний ряд: Т. А. Зубарева, А. В. Лаптева, Б. Д. Эльконин, В. С. Ефимов, В. В. Савчук, С. С. Аванесов.

Есть, например, одна дивчина, кандидат наук. Она гибрид, айтишник и философ, она преподаёт в Нархозе. Но таких примеров совсем чуть-чуть. Толчки получали, нормально, но мне было интересно проект делать. Вот и сейчас проекты делаю, кому-то там помогаю.

Или вот есть такой замечательный человек, Саша Рыжов. Мой бывший студент. Я однажды читал свой авторский курс в педагогическом училище. Он там был студентом, единственный парень. А ему было вдвойне тяжелее. Он инвалид 3-й группы. Теперь работает в больнице, социальным работником. Помогает другим людям. Много читает. Как-то я его задел. Прошло уже лет 30. А он звонит, пишет, приезжает, читает мои работы. И не только мои. Понимаешь?

Шевченко Л. В.: Я просто всё поняла теперь.

Смирнов С. А.: Что ты поняла?

Шевченко Л. В.: Я поняла то, что вот это ключевое – авторское слово, которое про свободную жизнь. Я просто помню, в какой-то период... Помните, когда программу по молодежи делали? Это было в 2006 году⁶⁵. Те, кто к Вам приходили, они же почему потом Вас критиковали? Они же хотели прийти туда, где их выстроят, и где им дадут путёвку в некую определённую. Понимаете?

Смирнов С. А.: Да. И не получали её. Бедные.

Шевченко Л. В.: А получали некое свободное отношение. Вот к этому они были не готовы. Они шли, чтобы попасть в сообщество, чтобы иметь некий профит.

⁶⁵ Речь идёт о разработке Концепции молодежной политики для Новосибирской области «Территория развития».

Семинар по антропопрактикам. 2016 год.

Слева направо: С. А. Смирнов, В. Г. Безрогов, С. Ф. Сироткин, И. Н. Чиркова, В. К. Пичугина, Б. Д. Эльконин, Т. М. Ковалева, В. М. Розин, Б. И. Хасан

Смирнов С. А.: Не строят, не определяют, не предлагают своего. Предлагать-то я предлагал, ну а дальше – определяйся. В этом есть определённая драма. Например, ну что там обсуждать, неудобно обсуждать. Кто-то, действительно, такой, вроде тоже свободный, но он эту свободу превращает в вечное маргинальное блуждание, такой по жизни люмпен, который ни туда, ни туда, ни туда. Мол, свободный я. Такое свободное плавание. И говорит: «Я даже на работу не оформляюсь нигде – я свободный». Но он от этого только проблемы получает, это несчастное существование. Это неприкаянность, неуместность. Перекати-поле. Какая тут свобода? Такие были. И до сих пор они, бедные, гуляют – краем глаза наблюдаю. Ну, ты их знаешь. Смотрю: ну вот так он, свободный. А мужику уже за сорок. А он все свободный. Это драма. Я-то, с одной стороны, вроде живу проектами, но я пытаюсь как-то укорениться в содержании, удерживать какое-то основание, что ли. Не держась за место работы. Места работы я менял достаточно, несколько раз уже, но держась всё-таки за определённое содержание, за определённое занятие, что называется. Философия-то всегда при мне, плюс ещё психология, педагогика, методология. Они-то всегда при мне, и они мне помогают удерживать себя и по жизни. Потому что для меня, например, когда надо писать заявку на грант, запускать проект – это не проблема, а вот для тех свободных – проблема. Потому что они не держат содержание, это надо же ориентироваться в нём, а превратив жизнь в маргинальное блуждание, они же содержание так и не обретают, они не знают, в чём укорениться, в каких базовых смыслах и опорах.

Шевченко Л. В.: Ну, смотрите, ведь исходя из Вашего концепта картоида⁶⁶ – ведь можно его понять как маргинальное блуждание? Нет?

Смирнов С. А.: Нет, картоид – это не маргинальное блуждание. Это реальная карта жизненного пути. Это не блуждание. Это навигация. Блуждание – это вот, гуляй поле. В картоиде удерживаются ключевые жизненные события,

⁶⁶ См.: Смирнов С. А. Антропоидный картоид как средство антропологической навигации // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. 1 (15). С. 34–48.

которые личность-то и формируют. Картоид из них состоит. А у того маргинала бедного в чём драма? Он никак на путь-то свой не встаёт – он всё по краям бегаёт, никак не поймет, в чём его событийность. Картоидность – это не про извилистость, картоидность – про содержательную событийность, про то, что ты в этой жизни что-то успеваешь сделать и через это делание ты себя лепишь и постоянно переделываешь. Вот из этих событий картоид состоит. Конечно же, он не сочиняется и означает не просто внешнюю беготню по жизни. У них – беготня. Они несчастны. Они ж себя-то не находят. А картоид про то, что событийно находится. Другое дело, что действительно, если быть честным, то это как раз интересный вопрос: из каких событий твоя траектория начинается состоять? Фактически, я тебе про них и рассказываю.

Иногда оборачиваюсь назад и думаю: если посмотреть на мою беготню по моим встречам, собеседникам, то это может выглядеть как форма сумасшествия. Но можно и наоборот. Может восприниматься как своеобразная навигация, поиск встречи, поиск умного собеседника, соавтора. У меня даже проложились как-то постоянные маршруты по Москве. Параллельно и Москву осваивал: исходил и изъездил её. Кстати, именно в Москве, не в Питере – там только Тульчинский⁶⁷. Он же был моим оппонентом на защите докторской, в 2004 году. С тех пор и познакомились, сблизились. С ним я и встречался, и беседовал, и брал интервью. Это было. Но не более того. Все же я московский по ориентации, не питерский, не ленинградский.

Так вот, были фактически построены маршруты. Как я собираюсь в Москву, так намечаю дорожки. Вот на Погодинскую, к Давыдову. Вот на Моховую, к Боре Эльконину, в его подвал в Психологическом институте. Вот в МАРХИ к Глазычеву. Или вот к Гиренку, на его кафедру в МГУ. Или к Хоружему на его Белую Дачу или в его Центр синергической антропологии в Вышке, который менял места несколько раз. Или к Генисаретскому на его ул. Куусинена, или в Институт философии на Волхонке. Ну, в Институт философии я ко многим бегал, к тому же Гусейнову⁶⁸, очень часто. Или даже к нему домой на пр. Университетский приезжал, брал там у него интервью. Или к Розину туда же, в ИФ РАН. С Вадимом Марковичем я дружу, часто встречался. Или к Гуревичу, к Подороге. Ко многим.

Кстати, к Борису Григорьевичу Юдину ездил по разным поводам⁶⁹. И в его редакцию журнала «Человек». Он был и у нас в Новосибирске, я с ним встречался по поводу защиты его Института человека, делал официальное письмо от мэрии в защиту Института, когда его закрывали в 2004 году. Юдин был обижен на Генисаретского, бывшего у него в заместителях, что тот не помог ему сохранить Институт. Потом интервью у него брал⁷⁰.

⁶⁷ Тульчинский Григорий Львович (р. 1947) – философ, доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург).

⁶⁸ Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович (род. 1939) – философ, специалист по этике. Доктор философских наук, профессор, академик РАН. В настоящее время ВРИО директора Института философии РАН.

⁶⁹ Юдин Борис Григорьевич (1943 – 2017) – философ, специалист по биоэтике, этической и гуманитарной экспертизе, методологии науки, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института человека РАН (1999 – 2004), главный редактор журнала «Человек» (с 1990 г.).

⁷⁰ Юдин Б. Г. У человека было ядро... Но и оно поплыло. // Беседы о человеке. Разговор на пороге. Ред.-сост. С. А. Смирнов. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. С. 121–133.

В общем, вроде бы, беготня какая-то. Но что за этим стоит? Я их либо звал к себе на совместное действие, либо просто общался, либо брал интервью. В этой беготне не было какого-то особого культуртрегерства, мол, чтобы просветить местных молодых, не просвещенных, хотя объективно по факту так тоже происходило. Но была забота о себе, я, конечно, искал себя. Но не географически. Мог, конечно, не бегать, а просто книжки их читать. Но мне был важен личный контакт. Через переключку с собеседниками, через живые встречи, а не только через тексты. Я же себя искал. Ведь место своё ты же в культуре только можешь обрести. Не в географии. Поэтому у меня был вполне определённый, не хаотичный набор встреч. Я искал союзников, чтобы переключка была. Искал собеседников, определённых авторов. Случайных среди них нет. Они все – живые собеседники, учителя, старшие товарищи, партнеры, друзья. Степень близости была разная. Но все они помогали мне найти себя, обрести, отстроить своё место. И не важно, где я физически нахожусь. Новосибирск в этом плане, с одной стороны, родной город, но по части моей философии он город весьма случайный. Просто выдался такой город, где я родился. Но и всё. А в философской навигации приходится отдаляться от географического места и выстраивать свой мыслительный и деятельностный топос. А что при этом получается – вопрос отдельный.

Шевченко Л. В.: Да. Ещё вот такой вопрос. Я вот представляю себе писателя (или автора) хорошего. Допустим, Пастернак. Я могу себе представить, что он в жизни переживал желание успеть, события определённые виделись как имеющие какое-то завершение. И я могу себе представить, что хотел Пастернак своими высказываниями в итоге, ну вообще – в итоге. Как он мыслил итог жизни. А Вы?

Смирнов С. А.: Ты про Пастернака спрашиваешь?

Шевченко Л. В.: Нет, я спрашиваю про Вас, как про автора. Как у такого автора, как Вы, некий итог видится?

Смирнов С. А.: Как итог? Итога я не вижу, если честно.

Шевченко Л. В.: Не в смысле жизни биологической. Не в смысле биографии.

Смирнов С. А.: Как ни странно... Это удивительно. По идее, должно быть. По идее, святая бы какую-нибудь там великую антропологию в три тома и на этом успокоиться. Вот точно нет! Хотя амбиции что-то сказать в ней есть, и когда-то однажды они действительно проявились. И поэтому я люблю книжки писать, люблю. Это не просто для меня важное занятие, мне нравится писать. Особенно на чистом листе, когда всё это рождается. Мне жена говорит: «Как это ты всё пишешь!?» Мы всё сравниваем наши занятия. Она шьёт. Она классный мастер, она шьёт всё, дочь она обшила всю по сто раз, и себя тоже. Для меня это китайская грамота, как она там всё вот это делает, со своими нитками, иголками, этими аппаратами (у неё четыре аппарата швейных). А мне она говорит: «Как ты там вот в этих делах своих – книгах, рукописях – разбираешься? Да ещё такую книжку сваял – ужас! Как ты в голове всё это удерживаешь?» Но это для неё вопрос. А для меня её занятие является откровением. Но это то, без чего я не могу. Станным образом, я без этого не могу, но святая какую-нибудь великую философию – у меня такой цели нет. Чтобы потом издали в трёх томах. Они у меня такие вот – выхлопы. Раз, задел – что-то такое сделал.

Несколько лет болеешь этим. Всё это как бы в одной рамке. Я, наверное, так устроен – я по жизни поисковик. Поэтому – навигация, карты, то есть я не доктринальный исследователь, я не доктринёр. Я бы сказал, я философ-предприниматель.

Шевченко Л. В.: Да, это понятно. А ситуация молчания у Вас была? У Вас был кризис, когда не хочется высказываться, проекты делать? Или страх?

Смирнов С. А.: Знаешь, были периоды полного погружения в какое-то действие живое, в сложный проект, и мне было просто не до писания и даже не до чтения. Я вот смотрел свои публикации: какой-то год пустой, ни одной статьи, а в этом две всего, а в этом целых 15. Есть периоды, когда я просто погружался (когда была экспериментальная группа первая, например), я просто полностью погружался в это странное, непредсказуемое, жутко-рискованное действие, связанное с отстраиванием группы и её защитой. Там повоевать пришлось, и несколько лет я просто полностью был погружён, мне было не до книг, не до чего. Я потом, когда группа закончила институт, я вернулся к кандидатской. На несколько лет, года три-четыре, я был просто полностью погружён. Вот такие периоды – да, но это не молчание.

Шевченко Л. В.: Это не молчание. Это опыт, насыщенный.

Смирнов С. А.: Это накопление опыта, такая траектория, зигзаг, где-то надо было просто погрузиться. А потом это всё начинает каким-то странным образом – косвенным, дальним – вываливаться в осмысление и, глядишь, воплощается в текстах. Такие периоды, да, были.

Шевченко Л. В.: А есть страх того, что всё уже сказал?

Смирнов С. А.: Нет. Нет... Нет... Иногда вообще интерес возникает: читаешь того же Мамардашвили, какой-то там, Бог знает какой, 20-й раз, и бах, у тебя идея рождается, надо развернуть. Всё, опять это очередная книга – и опять пошло, пошло, пошло! Неважно, бывает другой автор. Вынашивается это. Есть ряд идей, которые вынашивал.

Вот Мераба я долго вынашивал. У него же была издана его «Топология»⁷¹ первый раз в 1996 году. Купил. Мне Алёна Мерабовна рассказывала про то, как Юрий Сенокосов всё это испортил, не так издал, второпях, с купюрами, и всё неправильно. Потом она издавалась в 2014 году, ещё с диском. А заболел-то я им в 1996. Заболел этой идеей. И вот я её вынашивал долго, потом в течение 3-х лет писал. И только вот в 2020 году она у меня вышла. Вынашивал долго.

Или «Автопоэзис человека»⁷², тоже долго вынашивал. Сначала меня сильно задел Бродский, ну сильно просто, своим очерком о Цветаевой⁷³, вот эти мои своими рассуждениями о её кальвинизме. Когда в 90-х годах это всё пошло, пошли публикации, в том числе, и Бродского, я его для себя открыл, он пошёл просто косяками печататься: один сборник, другой сборник, интервью одно, другое, третье, и бах – меня так сильно задело это суждение о Цветаевой: «Марина – она кальвинист». Это интересно. Цветаеву я знал давно, ещё со студенчества. Я, когда работал в «Орленке», студентом, у меня была подружка,

⁷¹ Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014.

⁷² Смирнов С. А. Автопоэзис человека. Философские очерки по антропологии стиха. Новосибирск: НГУЭУ, ЗАО ИПП «Офсет», 2011.

⁷³ Бродский И. А. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1997.

напарница на отряде, – Нелька Абдульманова, татарочка, умница большая, она обожала Марину и Маяковского, просто она ими жила! И она, представь себе, однажды мне подарила два сборника, рукописных – цветаевских. Марина ещё была трудно доступна. Это был ещё 1978 год. Ничего ещё не было, просто днём с огнём не сыщешь, и она сама на машинке на этой механической наклепала чуть ли не собрание сочинений, и эти тетрадки мне подарила: «Серёжка, тебе». Ну, Марину я знал и читал. Думал, что знал, думал, что да, сильно, сильно так, по-мужски. Мужчина такой в поэзии – отличается от Пастернака, кстати, мощная энергия. Всё это было мне понятно, но я абсолютно был не вооружён: мой глаз и моё понимание, не важно, не только Марины, но и вообще поэзии было абсолютно девственное, я её читал просто как читатель и я не мог её как-то обсудить, перевернуть, разобраться со своим пониманием. Я мог просто ходить, бубнить эти стихи, проживать их, ловить их ритм. Но как с этим работать? То есть собственно этот вот предмет, антропологию поэзии, надо было еще отстроить. Я не понимал, как в антропологию пойти какую-то там, какие-то анализы делать над этим опытом. Несмотря на то, что я со студенчества дружил с филологами, вот Юрий Васильевич Шатин, очень мощный филолог.

Шевченко Л. В.: Вы дружили с ним? С Шатиным?

Смирнов С. А.: Да, ну так они же вместе были, вот у Тыщенко кружок был, и он на кружок тащил всех. Тыщенко вёл философию на филфаке, а Шатин там вёл свои курсы, и я туда ходил, и Юрия Васильевича я знал со студенчества, с тех лет, когда он туда пришёл. Они делали очень сильное действие – совместный курс. Сейчас, кстати, это ушло. Представь себе, вот тут он, Тыщенко, а вот Нина Елисеевна Меднис⁷⁴, другой филолог, ученица и последователь Лотмана Юрия Михайловича. Вот они ведут лекцию вместе, обсуждают «Евгения Онегина», и вот роман с точки зрения Меднис, с точки зрения Лотмана, незримо присутствующего, и с точки зрения Тыщенко. И вот «Онегина» обсуждают или «Капитанскую дочку», любой филологический текст – и ты тут на лекции сидишь и смотришь живой диалог, присутствуешь при нём, спецкурс ведут совместный. И так весь семестр. Или там «Медный всадник». Брала за основу классику: как правило, Пушкин, Достоевский – база, ничего не надо придумывать. Вот они авторы, они давно опубликованы, зачем тебе самиздат, а вот они – просто «Капитанская дочка», но там такой анализ разворачивается, у-у! Я всё это конспектировал! Вообще-то говоря, примеры филологического анализа текста, философского анализа, пытался Петрович делать. Но здесь он, мне кажется, больше самоучка. Но всё-таки они при этом опирались опять же на Бахтина, на Тынянова, Шкловского, на весь ОПОЯЗ и всё вот это устраивали, всю эту дискуссию. И всё это происходило здесь, при мне. Я здесь присутствовал! И всё это ты естественно осваиваешь, пытаешься понимать, читаешь. То есть опыт взаимодействия, общения был.

Но когда мне Бродский наотмашь врезал пощёчину про Марину – это было для меня откровением. И я стал другими глазами читать вообще поэтические тексты. Надо отдать должное Бродскому – он же молодец как аналитик. Он же вообще философ. Его «Меньше, чем единица», это же философские эссе,

⁷⁴ Меднис Нина Елисеевна (1941 – 2010) – отечественный филолог, доктор филологических наук, профессор. Приехала работать в Новосибирский государственный педагогический институт в 1975 году, инициировав начало филологического сообщества. Сформировала кафедру русской литературы, повлиявшую на формирование Новосибирской филологической школы.

классные совершенно. Я загорелся, заболел, но не знал, как выйти на антропологию стиха. И вот тогда, тоже примерно в те же годы, 1996-1997-й, впервые я заболел вот этой идеей. Я это никак не мог артикулировать, но потом время шло, как-то всё осваивал, осваивал и только в 2010 году проявилось. При этом я признаю, что это самоделка, это просто опыт, без всяких там претензий. Но это было всё-таки осознанное действие, чтобы разобраться в антропологии стиха. Но провокация пришла от Бродского.

Шевченко Л. В.: Ещё про В.В. Библихина⁷⁵ хотела спросить. Вы как его восприняли? Про Библихина первый раз мы услышали вообще от Вас. Я начала читать его только потому, что Вы очень восторженно говорили.

Смирнов С. А.: Да, я пережил увлечение Библихиным. Я тоже все его тексты просто конспектировал. Его трудно конспектировать, но я конспектировал. Да. Я и сейчас перечитываю его. Это другой автор, это очень интересно. Я вообще не понимаю, как они дружили с Хоружим. Но у него религиозность очень глубинная, закрытая, скрытая, это автор такой – длинного, глубинного, медленного говорения, не зря же он лекции так и читал: «м-м-м», с текста (изображает погружённость), он не метал молнии. Он садился, как говорят в воспоминаниях, и читал. Но вот эта его вязь мысли, этого говорения, этих ответвлений, отвлечений, переключений, снова возвращений, меня они завораживали. Но я не могу сказать, что он мой учитель – нет. Это ещё один автор, согласен. Глубокий собеседник. Тот, которого не хватает, и с его уходом очень всё как-то поблекло. Такой вот одиночка, одинокое светило пролетело и всё. Для меня он существует, к сожалению, в текстах. Я его в живом действии не видел. Мне вот это важно. Генисаретского, Хоружего, Щедровицкого я видел, они для меня живые. Библихина не видел в действии никогда, не довелось мне. Мераба я видел, да и много у него интервью видел, это тоже. Это всё видно, этот говорок, это бу-бу-бу, вот эта его трубка, это всё тоже понятно. А Библихина, к сожалению, вынужден только через текст понимать. Мне не хватает живого обаяния, живого голоса. Или Гиренок, он такой... задира. Здесь понятно. А вот здесь не хватает. В этом смысле философия в меня входит через живую личность. Вот так по факту, во-первых. А во-вторых, наверно я так привык, наверно мне так понятней он становится, и по жизни сложилось так. Я рад тому, что удавалось встречаться с кем-то, с кем удалось.

Удивительное было впечатление от Иосафа Ладенко. Казалось бы, он как автор, как философ – логик, совсем честно, ну не интересен. Его тексты очень скучны. Они у него настолько чисты, не в смысле прозрачны, а настолько сухи логически, логической выверенностью. Его интересовала предельно чистая материя интеллектуальных логических систем. Он так и оставался им, как математики античные. И он рос и защитил диссертацию по Аристарху Самосскому, как на кружке там утверждали, логику свою развивал. В содержательную логику он не пошёл за ГП, пошёл своей дорогой. Ну и пошёл, пошёл, пошёл, здесь вот и осел. И когда в очередной свой приезд Г. П. Щедровицкий говорит ему: «Иосаф, у тебя была хорошая кандидатская диссертация. А сейчас ты что делаешь? Куда всё делось?» Очень обидные вещи вообще-то говорил. Я смо-

⁷⁵ Библихин Владимир Вениаминович (1938 – 2004) – отечественный философ, филолог, переводчик. Читал авторские курсы лекций на философском факультете МГУ. Один из зачинателей (вместе с С. С. Хоружим) концепции синергичной антропологии.

трю, как Иосаф багровеет, как у него лысина багровеет. Думаешь, о, Господи, как же они там... Ничего, потом, после всего этого, пойдут за ручку и болтают по-дружески. Но несколько оплеух он ему давал очень мощных, причем, публично, мне Иосаф признавался в этом. И потом в воспоминаниях он говорит о разрыве с ним, и ему это было очень больно, очень больно. Мне ведь Иосаф подарил кандидатскую диссертацию Зиновьева, ту самую, она же у меня от него, вот эта рукопись, 15-я копия, на папиросной бумаге 1954 года.

Но! Это тексты его скучны. Но при общении! Богатейшая личность! Он же стихи писал на украинском, песни пел на украинском. Он был очень верующим человеком, прилежным прихожанином, к отцу Борису вот сюда ходил. Я про это не знал. Он был активистом в украинской общине Новосибирска, туда в город ездил. Он был активистом в обществе слепых, он был и там, и там, и там. Прожжённый логик по текстам, но как человек – богатейшая, добрейшая натура. Очень трагично, когда он рано умер, причём скоростижно совершенно. Однажды Наль Хохлов звонит: «Алевтиныч, Иосаф помер». Господи!

Это важно. Дело не в том, что я антропологией занимаюсь, а в том, что через живое общение исходит содержание человека. Почему я тебе сказал, что мне телесность важна, так я через это человека ощущаю. Когда человек выступает – это для меня ещё один канал связи и понимания. Я телом очень многое чувствую, поэтому я танцами занимался, но и другого вижу, как он вообще видится мне как вот эта живая натура, как он дышит, ходит, говорит – вот это всё его облако. Мне вот это очень важно. И в этом смысле, я даже сознательно, периодически, например, на лекциях, на докладах, пытаюсь подключать этот невербальный канал. Для меня это уже инструментарий, просто мастерская. Когда надо было какой-нибудь эпатаж устроить, провокацию, ещё что-нибудь, то я начинаю работать ещё и телом, жестом – мне это помогает. Это помогало мне и контакт установить, и реакцию получить. И даже сработать на самоощущении, потому что, когда выступаешь с новым докладом, с новой темой, да еще с незнакомой публикой, не знаешь, как будут реагировать, а тут ещё противная натура постоянно провоцировать. И тут мне тело помогает, чтобы не свалиться, не выпасть из коммуникации. Это помогает.

Шевченко Л. В.: Сергей Алевтинович, а какие ещё можете назвать фигуры, идущие по своему пути в том поле, которое обсуждаем? Кто ещё был (есть) интересен?

Смирнов С. А.: Из недавних, сравнительно. Например, С. Б. Переслегин ⁷⁶ Началось всё с того, что я узнал про прецедент, который сделал Сергей Попов. Хороший, сильный методолог. Я был с ним знаком еще с Калининграда. С 1986 года. С той игры ГП. Когда я узнал, что под его руководством был проведен первый форсайт «Детство 2030», по заказу Общественной палаты РФ, мне стало страшно интересно. И я его пригласил к себе. Это было в 2009 году. В Новосибирске еще такого слова даже не знали. Он приехал и рассказал про этот свой форсайт. Мы пообщались. И я стал более внимательно изучать практики форсайта. Ездил в Вышку. Там учредили журнал «Форсайт», открыли Центр форсайта. Потом Попов позвал меня на игру по развитию Академгородка. Это был очередной приезд столичных ребят учить академиков уму-разуму. Он привёз

⁷⁶ Переслегин Сергей Борисович (р. 1960) – отечественный специалист по футурологии и форсайту, писатель-фантаст.

свою команду в 2010 году, они провели игру по заказу Роснано, но академики, естественно, не приняли участия в ней. Игра была интересная. Но все предложения по развитию Городка пролетели мимо. Также приезжал потом отдельно туда и Переслегин со своей группой и предложил академикам несколько сценариев развития Академгородка. Тоже пролетели мимо.

Так вот. И я узнал, что Переслегин тоже занимается форсайтом. А я его знал по публикациям. Интересно, неожиданно, не похоже ни на кого. Для меня Переслегин вообще яркий пример самостийности. Однажды, в своём разговоре с Целищевым В. В.⁷⁷ мы затронули феномен щедровитянства. Так вот, он сказал, что всё это самопальная методология. Самодельная. Изобретена на коленках, как табуретка, в отрыве от мировых трендов и мировых научных школ. Это верно. Методологию ГП строил за железным занавесом. Свою. Но она оказалась весьма действенной и мощной. Точнее, он её как-бы делал через голову. Через голову XX века, не всё зная, что делается на Западе, но зная всю классическую традицию, от Аристотеля до Гегеля-Маркса.

Так вот. Переслегин – это пример тоже самопальной, сугубо личной философии, методологии и много чего ещё. Он построил вообще свой язык, свой мир. Правда, там есть у него отсылки на других авторов. Но его концепт выстроен так лично, на своем «птичьем» языке, что в них не узнаешь никаких авторов. Плюс туда включены и эзотерические смыслы, эгрегоры всякие и прочее.

Но меня это не смущало пока, да и не знал я его толком. Мне было интересно попробовать практически форсайт. Как идеологию, как метод, как практику. И он оказался лёгок на подъём. И вот он приехал, и мы провели в Нархозе трехдневный учебно-практический форсайт. На этом событии образовалась группа молодых ребят, и мы попробовали несколько таких форсайт-сессий и действий провести. В том числе по заказу управления по делам молодежи провели форсайт.

Но потом всё более раскрывалась вся эта мыслительная кухня Переслегина. И расцвела эта переслегинщина, как и щедровитянство, в её дурном изводе. Когда молодые, необразованные неучи, набравшись верхов, не ведая корней и смыслов, ринулись употреблять словечки Переслегина, вставляя их в разные места и городить монструозные конструкции.

Что здесь важно? Почему расцветает самопальное щедровитянство и переслегинщина? Не только в ситуации отсутствия собственного самоопределения, когда человек не ведает, чего он хочет, не знает себя и не может найти себя, поставить собственные цели. Почему методология сносит головы? Я видел у многих это. Когда, например, человек, многие годы занимавшийся геологией, ходил в экспедиции, занимался Тунгусским метеоритом, потом свихивается в квазиметодологию, в итоге теряет и свою геологию, но и методологом не становится. Потому что методология – это не профессия, это способ мышления. Как и форсайт – это не наука и не профессия. Это способ работы с образами будущего, некоторый набор практик и инструментов. И всё. А у людей

---

⁷⁷ Целищев Виталий Валентинович (р. 1942) – отечественный философ, писатель и переводчик. Доктор философских наук, профессор. Научный руководитель Института философии и права СО РАН. Речь идёт об интервью с В. В. Целищевым, опубликованном в кн.: Непростой разговор. Автобиографические интервью. Ред.-сост. С. С. Аванесов, С. А. Смирнов. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2021.

в итоге происходит полная дисквалификация и депрофессионализация. Они теряют свою старую профессию, а новую не находят. Это трагедия.

Но вернёмся к Переслегину. С тех пор мы ещё несколько раз встречались, на разных тусовках, то в Красноярске, то в Ижевске... Но меня эта эзотерика изначально не интересовала. Я понял устройство форсайта, сам могу учить ему и проводить его, написал серию статей по методу форсайта. И, кстати, в городе с тех пор узнали слово форсайт и даже чиновники стали употреблять его к месту и не к месту. Например, называть планы мероприятий дорожными картами. Смешно.

Да, мыслительные конструкции Переслегина выглядят как самодельные. Это, конечно, самопал. Но сколочен крепко. Впервые, кстати, я услышал про этот феномен от Генисаретского. Однажды на очередной молодежной тусовке в Томске Олег Игоревич произнес: «Ох, уж мне эти самопальные философы и методологи», кивая на местных философов, на Александра Попова.

Да, есть такой феномен, он продолжает цвести. Самопалы рождаются и сейчас, хотя нет никакого железного занавеса, но есть сочетание бескультурья, неграмотности, необразованности, с одной стороны, и непомерных амбиций, с другой. Вот мы и плодим самопалы.

Но в случае с Переслегиным всё сложнее и богаче. Он-то умеет управлять и пользоваться своими конструктами. И на их языке может описать и выстроить любую ситуацию. И может убедить многих в своём видении. Он интересен, не академичен, не скучен, глубок и содержателен. Никогда не был академическим философом. Ему это и не надо. Это феномен. Феномен яркого, самостоятельного мышления. Ведь дело не в самой по себе самопальности. Дело в неукорененности. Если неофит берёт чужую фразу, чужое слово, а сам при этом не продумал, не выстрадал, не родил, не выстроил своё Слово от первого лица, то мы и получаем бесплодные самопальные конструкты-монстры. Строго говоря, любой мыслитель, если он действительно порождает авторскую мысль, воплощается в авторском высказывании. Так ни на кого не похож в своей речи, например, Бахтин. Или Витгенштейн. Они не похожи ни на кого. Но автор действительно совершает личное усилие и рождает мысль, оформляя её в авторской речи. А другой, не совершая порождения, не проделывая своей заботы/работы, не идя к Истоку, берёт просто верхний слой, словесную обертку у другого и начинает ею жонглировать. Мы получаем самопальных монстров.

Шевченко Л. В.: Ну, хорошо. Ещё вопрос, который мне очень интересен. Вот Вы – опытный человек, у которого есть какое-то содержание, совершенно не маргинальное. Вы свободу не как маргинальную развивали и традицию тоже. И понятны Ваши опоры, очень внятно всё. Вот современное поле нашей ситуации, нашего образования, даже науки, философии, да вообще – гуманитарной науки. Каково это поле сейчас и что в будущем, в чём опасность, какая-то логика там есть? Как Вы смотрите?

Смирнов С. А.: Всё очень грустно. Доминируют деструктивные тенденции, к сожалению. И каждый человек, претендующий на то, чтобы в гуманитарной науке (а тем более в философии) состояться, сильно рискует. Я уже говорил, что все крупные фигуры ушли и ориентиры сплющились. Совсем жёстко: общаться почти не с кем. И какое-то мелкотемье царит вокруг. Большие горизонты никто не хочет ставить.

Шевченко Л. В.: В каком смысле «рискует»? Почему рискует, чем рискует?

Смирнов С. А.: А потому что конъюнктура складывается. Сейчас все бурно ринулись, например, в патриотизм. Патриотизм – это не повод для хорошей философии. Патриотизм сам по себе философию не рождает. Философию рождает наглое окаянство человека думать о границах бытия человека, а это, бывает, идёт в разрез с патриотизмом. Я люблю Родину, и я против предателей, я категорически за специальную военную операцию, потому что фашистов надо бить. Здесь я абсолютно за. Но дело не в этом. Само по себе, вот это решение, оно философии, естественно, не помогает. Это совсем про другое. Ты можешь быть трижды патриотом, но философию нисколько не сделать. И наоборот. В этом смысле, я представляю, как бы реагировал на эту операцию Бродский. Он бы, наверно, был в том лагере, по ту сторону. Наверное. Не знаю. Или ещё как-нибудь. Мы знаем, что, например, известный философ А. В. Ахутин⁷⁸ в Харьков уехал. И давно. Хороший философ. Я был удивлён, когда мне Хоружий про это сказал. Философ, но уехал, потому что антипутинец. То есть это всё не совпадает. А конъюнктура мощная, она начинает людей строить. Я считаю, это деструктивное влияние, потому что это не переводится в конструктив, то есть в содержательную нормальную гуманитарную работу.

И другая крайность – технологический энтузиазм. Я уже много раз обсуждал это, что человека нет ни в НТИ⁷⁹, ни в образовании, ни в науке, ни в культуре – нигде. В НТИ человека нет. Давайте восстанавливать все эти составляющие антропологические скрепы. Я же в НТИ не слышу этого. В Клубе мышления у нас в Академпарке, в Клубе мышления в Севастопольском университете, в пяти местах обсуждал это, а они не слышат меня. Они не понимают, что такое антропологическая платформа для НТИ. Я пытаюсь им это объяснить. Ты участвовала, помнишь, клуб мышления в Севастопольском университете? Я там с докладом выступал. Это было очередное выступление, уже которое по счёту. Здесь обсуждал. В университет соваться с этим вообще глупо, потому что там конвейер и там не до грибов. Я уже сказал, антропологии в науке почти нет.

Шевченко Л. В.: Меня что удивляет искренне: вот она у нас официальная среда – образование, учебные программы, номенклатура дисциплин. Психологию возьмите, там почти нет нашего содержания, выросшего органично из нашего контекста, нашей истории.

Смирнов С. А.: Нет. Там нет, например, Л. С. Выготского.

Шевченко Л. В.: Ну как может быть так, что у нас нет Выготского?!

Смирнов С. А.: А вот может. Представь! Вот буквально вчера мне Лариса Новопашина из Красноярска⁸⁰ написала письмо. Памяти Бориса Хасана делают учебную аудиторию в университете. Памяти Хасана – молодцы. Деньги собирали, я там денежку тоже переслал. Нормально, молодцы. Она мне пишет: «Спасибо, молодец. Отлично. Напиши что-нибудь ещё, хотим буклет сделать».

⁷⁸ Ахутин Анатолий Валерианович (р. 1940) – отечественный философ, специалист в области истории науки, философии науки, истории философии, культурологии. Один из основателей и идеологов Школы диалога культур, последователь В. С. Библера.

⁷⁹ Национальная технологическая инициатива.

⁸⁰ Новопашина Лариса Александровна – кандидат психологических наук, доцент Сибирского федерального университета.

И вот мы с ней это обсудили. Памятных мест у нас в стране, связанных с психологами, философами, гуманитариями – раз два и обчёлся. Есть дом-музей Лосева. Музея Выготского нет. Есть центр Бахтина, слава Богу, спасибо женщинам, которые там в Саранске работают. Ну и то, слава Богу, потому что там 20 лет Михал Михалыч жил и работал. И спасибо Дубровской Светлане Анатольевне⁸¹ с коллегами в Центре Бахтина, она вот этим занимается. Потому что человек такой есть, она память эту пытается хранить. И то там крохи, крохи. В Москве Бахтина нет, в Питере Бахтина нет! Нет памяти.

Шевченко Л. В.: Ну вот почему?

Смирнов С. А.: В памяти нет! В живом действии нет!

Шевченко Л. В.: Ну ведь это – наше, органичное! Не то, что там кто-то сказал со стороны, ещё не понятно из каких устремлений.

Смирнов С. А.: Ни Бахтина, ни Выготского, ни Щедровицкого. Ну вон, Петр издал кирпичи, но потому что он себя там представил одновременно. Вот и всё. Мераба дочь издаёт, потому что папа. Ну и издаёт, спасибо ей! Но собственно музея Мераба тоже нет и вряд ли будет. Есть памятник ему, но в Грузии. А в России? Я с этой идеей, кстати, носился несколько лет, потому что, когда стали они уходить, все они стали уходить, это поколение, важно было сохранить память. Вот Тыщенко, мой первый учитель, ушёл. Раньше ушел Ладенко, ещё раньше Щедровицкий. Сейчас вот эти вот мужики все поумирали. Дело даже не в том, что музеев нет их памяти. Библиотеки разлетаются!

В Центре М. М. Бахтина в Саранске. 2023 г.

В Центре воссозданы элементы кабинета Бахтина в его квартире в Саранске.

С. А. Смирнов сидит в кресле, в котором восседал сам Бахтин.

Вот библиотека Тыщенко, как ты думаешь, куда она делась? Её дети просто отдали в частный магазин. Она просто рассыпалась. Детям, внукам не нужна

⁸¹ Дубровская Светлана Анатольевна – заместитель директора «Центра Бахтина» в Саранске. Доктор филологических наук, профессор Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

библиотека их отца и деда. Я там немножко урвал себе по знакомству несколько книжек с его рукописями – всё. Они у меня спрашивали, Нина Тыщенко, его дочь: «Сергей Алевтинович, я не знаю, куда пристроить библиотеку папы. Давайте поищем?» – «Давайте поищем». Я нашёл здесь в институте чулан, где можно было хотя бы временно складировать его книжки. Я говорю: «Привозите. Договорился с директором. Ну хотя бы временно, чтобы сохранить, спасти книжки». Отказалась. Всё, нет библиотеки. Я вот здесь храню несколько его папок, рукописей, их ещё обрабатывать надо, много их. Вообще уникальная ситуация. Представь себе: человек, живущий в дневниках. Дневники, дневники, дневники. Каждый день. Сначала рукой, потом простой машинкой, потом на компьютере.

Библиотеки уходят, архивы уходят, наследие уходит. А значит уходит и память. Где архив того же Ладенко? Его переписка его со Щедровицким? Где этот архив, этот, этот? Нет ничего, исчезает это всё. Распыляется. Я с этой идеей носился одно время, с разными людьми говорил – сделать музей отечественной философии. Всем некогда. Никому не нужно. Лишняя забота.

Шевченко Л. В.: Получается, у нас нет того субъекта, которому нужна эта органичная, своя жизнь, по сути, развитие вот этого более органичного пути?

Смирнов С. А.: Это, наверное, связано, в том числе, с тем, что люди падки до внешних конъюнктурных заказов, какого-нибудь внешнего благополучия, а так, чтобы думать про Исток – это же не популярно, гарантий никаких, головной боли навалом, что с этим делать и как? И всё, и приехали. Я думал, может у молодых созреет это дело.

Академгородок – классический пример. Я здесь тоже и с Целищевым обсуждал и с Мариной Николаевной Вольф, с директором, обсуждал. Говорю ему, Целищеву (а ему уже 80 лет тоже): «Виталий Валентинович, смотрите, вот Вы уже, пардон, не первой молодости. Вот был Михаил Александрович Розов, вот он уехал, помер. Где память о нём? А он был ярким автором здесь. Был Ладенко – помер. Был Тыщенко – помер. И Вы, пардон, помрёте. Дальше – что? Где память, где место? И кто вообще что-то останется? Какова судьба архивов?» «Да, так и есть», – говорит. И больше ничего. То есть всё – отклика нет. А что я могу предложить?!

Вот Наташа Синюкова померла, бедная. Моя одна из лучших учениц. Дочь Гордиенко Алексея Аркадьевича, может, ты слышала о нём. Он был глава администрации и доктор наук и здесь работал тоже. Представь себе: философ и глава администрации! Сочеталось. Молодец! И вот у него дочка – Наташа. Умница. Она социолог, закончила НГУ. Я, когда в 2018 году сюда пришёл, я её знал ещё раньше девчонкой, школьницей – мы общались с отцом-то. И потом смотрю, она ко мне так: «Здрасьте, здрастьте». Подошла и говорит: «Сергей Алевтинович, будьте моим руководителем». Поскольку с тем руководителем она никак не может, не получается. Ну, договорились. Слава Богу, два года мы с ней очень хорошо общались, работали. Молодец. Она для меня вообще была правой рукой в том проекте, который я сейчас веду. Ну и раз: она скорострительно скончалась. Год назад, в сентябре. И я пошёл к её маме: «Анна Георгиевна, а давайте памяти Наташи сделаем некоммерческий фонд «Наташа», будем проводить каждый год какие-нибудь чтения философские, будем издавать книжки, помогать молодым философам, её книжку издадим – сборник её работ. Давайте

подумаем». Ну книжку разве что сделаем, ну это от меня зависит. Если я всё-таки доделаю её, она достанет денег и издаст. Вот это книжка⁸². А вот так, чтобы создать фонд памяти дочери (а у неё вообще-то есть ещё муж бывший, бизнесмен) – нет, не пошли. При всей любви, при всём уважении. Такая была трагедия – жуткое дело. Она только-только вроде бы с раком справилась, со своей онкологией. В Германии лечилась. И вот она, классная такая, кровь с молоком, спортивная дивчина – бах, умирает. Просто шла по Морскому проспекту, упала и всё. Просто жуть была. Это был такой удар, я и сейчас ещё не очухался.

Но когда всё начинаешь переводить в русло какого-то предметного разговора, где действие в ту сторону? Ну хоть места какие-то памятные надо создавать. Действия совершать какие-то, фонды какие-то. Ладно, не музей – библиотеки собирать. Как-то всё уходит вообще. Наверное, я что-то не то делаю. Я не знаю, ну, отклик для начала надо бы поиметь, чтобы кто-то тоже ухватился: «Слушай, давай!» Отклика нет, не нашёл. Пока не знаю, что делать. А люди уходят, библиотеки уходят. Архивы пропадают.

Шевченко Л. В.: Чтения Генисаретского были? Будут? Они собрались?

Смирнов С. А.: А ты не в чате у них?

Шевченко Л. В.: Нет.

Смирнов С. А.: Я вышел из чата. Олег Алексеев⁸³ создал чат.

Шевченко Л. В.: Я не очень любитель этого сообщества.

Смирнов С. А.: Вот. Это да, во-первых, я с тобой согласен. Во-вторых, там человек 30 он собрал, и я смотрю, такой лексикон, разговор такой... Ну Генисаретский не достоин того, чтобы так вот... Знаешь, вокруг война идёт, а у них какая-то либеральная тусовка. Как будто игра в бисер, интеллектуальные разговоры. Они и Генисаретского превращают тоже, как те другие Мераба, превращают в такого, знаешь, автора как повод, для того чтобы самим повыпендриваться этим. Я это почувствовал. Я вышел. Олег пишет: «Сергей, ты что? Почему ты вышел из чата?» Я говорю: «Ну вот так вот. Я боюсь, что это не то место, это не для меня». А плюс к этому они стали предлагать, кого на чтения позвать: «А давайте позовём Фрумина, вот он приютил Хоружего, Генисаретского у себя в Институте образования в Вышке». Я понял, что мне здесь не место.

Шевченко Л. В.: Более того, чат и само описание чтений превращается в какую-то тусовочку интеллектуальную, как будто вокруг ничего не происходит. Это уже не то время, ладно бы мы общались по этому поводу пять лет назад, но сейчас другая ситуация. Просто я вышел. Поэтому я не знаю. Наверное, будет в конце ноября. Что-то там потусуют. Гена Блинов там активно присутствует. Господи, ещё один якобы последователь Генисаретского? Знаешь его? Геннадий Блинов из Красноярска.

Шевченко Л. В.: Да.

Смирнов С. А.: Он вдруг в Москве. Эксперт АСИ. Господи... Я тогда Папа Римский, если он эксперт АСИ. Ещё один самоделкин.

Шевченко Л. В.: А там ещё, знаете, они делали рассылку в Севастопольском клубе. Я помню по Томску, я даже эту презентацию сохранила: «Онтология повседневной деятельности». Это удивило, такой ракурс рассмотрения.

⁸² Книга вышла: Синюкова Н. А. Антропология исцеления: между технологией и заботой. Новосибирск, ООО «Офсет-ТМ», 2023.

⁸³ Алексеев Олег Борисович (р. 1953) – бывший вице-президент Фонда развития «Сколково».

Знаете, что меня шокировало, уже позже – его обращение к традициям духовным, совершенно свободное. Такой успешный, сытый человек, с этими фенечками. Такая корпоративная эзотерика.

Смирнов С. А.: Ну да, с наворотами этими. Это все тот же самопал.

Шевченко Л. В.: Да, но он, в моём восприятии, как бы «ученик Генисаретского», не то, чтобы совсем прямо, но в этом сообществе, некая отсылка к Генисаретскому предполагалась. И это меня всё-таки покорило. Как он свободно говорит про человеческую жизнь во времени рода, в корпорации. Это же замах на некоторую антропологию, получается.

Смирнов С. А.: Да, про корпоративное тело Генисаретский писал, много этой теме посвятил.

Шевченко Л. В.: Там, понимаете, перешивка.

Смирнов С. А.: Да, да. Такая обёрточка. Якобы про содрога.

Шевченко Л. В.: А потом я поняла, что это совершенно неинтересно, потому что это очень «синтетично».

Смирнов С. А.: Выпендрёж. У Генисаретского это было органично. Он если что-то рождал, то это была очень серьёзная работа. Я помню, как он меня очень сильно задел этими своими «Упражнениями в сути дела»⁸⁴. Шикарно совершенно.

Шевченко Л. В.: Вот именно, ты, когда читаешь, поражает тебя именно авторство, именно свободное высказывание.

Смирнов С. А.: За этим работа стоит душевная. Это надо было пестовать в себе. Только потом она у него получается в тексте. И, кстати, не зря он потом ушёл в скит в конце жизни и уже фактически с монахами жил. Это понятно. Но у него это было органично. И тоже, кстати, сочеталось с сугубо светскими занятиями: дизайном, методологией, проектированием, а с другой стороны – вот это глубокая православная духовная практика. Это у него сочеталось. И у него это было органично.

Шевченко Л. В.: Василюк⁸⁵, кстати, мне нравится.

Смирнов С. А.: Да, очень хороший, очень сильный психолог.

Шевченко Л. В.: Но тоже очень рано ушёл.

Смирнов С. А.: Тоже ушёл. По-моему, онкология. У него была очень сильная заявка психологию положить на синергичную антропологию. Очень сильная заявка. Это было очень интересно. Я впервые в МПЖ⁸⁶ прочитал и было очень интересно. И, кстати, Хоружий его уважал – очень сильный самостоятельный автор. Да, согласен. Ну и Пузырей⁸⁷ ещё есть, но он ушёл в себя. После книжки о Выготском аж 1986 года, он же больше ничего толком не написал, ну, такого – следующего шага. Хотя – очень сильный автор. Кстати, муж Светланы Табачниковой, методолога, щедровитянки, такое интересное сочетание. Мне он

⁸⁴ Генисаретский О. И. Упражнение в сути дела. М: Рус. мир, 1993.

⁸⁵ Василюк Фёдор Ефимович (1953 – 2017) – отечественный психолог, психотерапевт, доктор психологических наук, заведующий кафедрой индивидуальной и групповой психотерапии Московского городского психолого-педагогического университета, профессор. Автор книги «Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций». М., 1984.

⁸⁶ Московский психотерапевтический журнал.

⁸⁷ Пузырей Андрей Андреевич (р. 1947) – отечественный философ, психолог, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и факультета психологии МГУ, автор книги «Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология». М., 1986.

нравился. Вот, такие дела. Так что по авторам, к сожалению, приходится вот так вот – выколупывать, выколупывать. Теперь у нас главный автор Дугин, понимаешь! Надо было понести огромную жертву, пережить гибель дочери, – и вот теперь он главный философ. Понимаешь, в чём дело? В информационном пространстве, медийном пространстве – он главный российский мыслитель.

Шевченко Л. В.: Гиренок очень хорошо себя там показал. На Философском соборе⁸⁸.

Смирнов С. А.: А! (*Смеётся*) Он, кстати, удивился, что это было, что его цитировали после Философского собора. Но Гиренок заслуживает этого, а Дугина я не понимаю, по-моему, это спекуляция чистой воды. Не только потому, что его философское сообщество воспринимает как такого действительно странного, как маргинала. Но, по-моему, он просто словил конъюнктуру. И он больше идеолог, не философ. Не знаю, я здесь субъективен, могу ошибаться. В общем, не мой автор. Это моя субъективная реакция. Ну, может быть, это и к лучшему, что сейчас нет этих вот пророков и властителей дум, каким был в своё время Солженицын, например. Или ещё какого-то типа, как Мамардашвили, на которого ходили и ему внимали. Но тогда был интеллектуальный голод, тогда толпой шли послушать, потому что даже книжек не было. Это было понятно и объяснимо. Сейчас в этом жутком совершенно информационном поле, где много всякого мусора и прочего, наверное, не требуется искать властителя дум. Наверное, другие какие-то манки нужны, что ли, голоса, которые бы звучали трезво, сильно и мощно. Наверное, в этом проблема. Трудно определить-ся, да. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...». Что, пауза? Ставим паузу. Если, вдруг, решим, то потом продолжим. Спасибо!

Шевченко Л. В.: Спасибо!

*Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озираю полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.
Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя что сызнава входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забил глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.*

Иосиф Бродский. 1980

⁸⁸ Выступление Ф. Гиренка 18 мая 2022 г. на Философском Соборе.